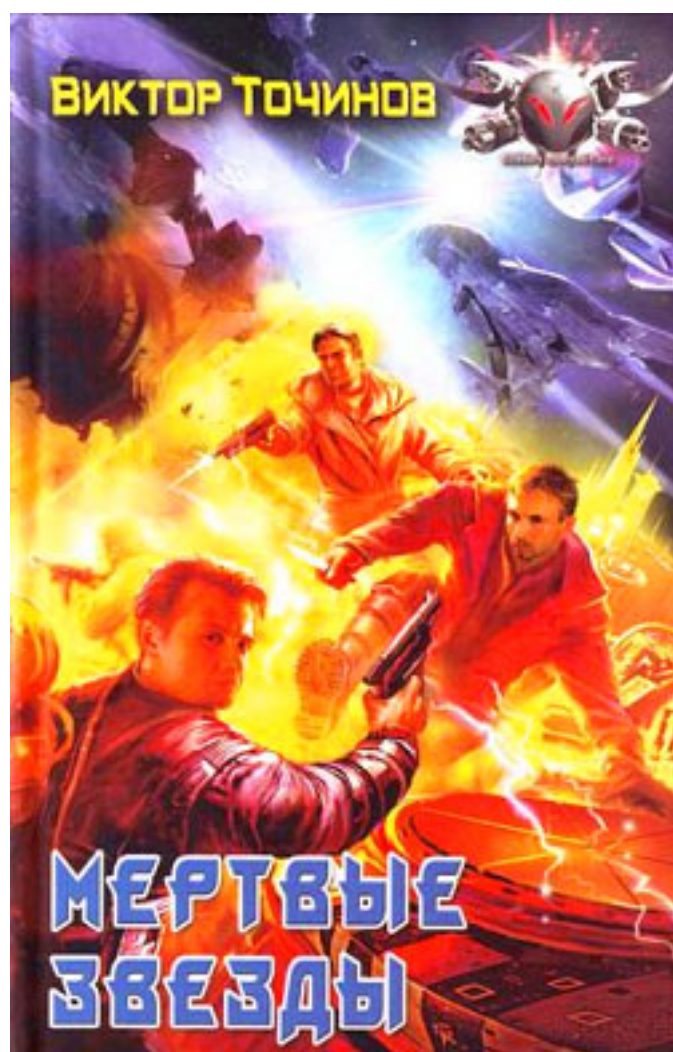

Виктор Павлович Точинов

Мёртвые звезды

авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158361

Аннотация

2028 год... Наша планета стоит на грани новой мировой войны: еще не взорвались бомбы, не взлетели ракеты, не обрушились искусственно порожденные тайфуны и бури на чужие берега. Но невидимая битва уже идет – и на Земле, и в Космосе, и в виртуальном пространстве.

Отставной офицер спецслужбы угодил между молотом и наковальней – его ищет весь огромный правоохранительный аппарат, его активно пытаются устранить собственные наниматели... Надо пройти по лезвию ножа и выиграть схватку – потому что ставкой в ней не только жизнь одного человека, но и судьба всей России.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Глава первая. Рейтинг больше чем жизнь	5
Внеземелье, ДОС «Немезида-17», 12 июня 2028 года,	5
20:42 (время по Гринвичу)	
Подмосковье, главный офис КРТ, 15 июня 2028 года,	7
08:30	
Там же, 15 июня 2028 года, 8:37	8
Глава вторая. Кое-что из жизни камикадзе	11
Санкт-Петербург, 15 июня 2028 года, 8:17	11
Пастушенко, история вопроса	12
Окрестности Санкт-Петербурга, 15 июня 2028 года, 08:39	13
Пастушенко. История вопроса	13
Окрестности Санкт-Петербурга, 15 июня 2028 года, 08:43	14
Глава третья. Космические дела и земные делишки	16
Подмосковье, 15 июня 2028 года, 09:07	16
«Немезида», история вопроса	17
Подмосковье, неизвестно чьё частное владение, 15 июня	18
2028 года, 09:30	
Моргулис. Досье	19
Глава четвертая. Кое-что из жизни пилотов-асов	22
Окрестности Санкт-Петербурга, 15 июня 2028 года, 09:07	22
Пастушенко. История вопроса	23
Окрестности Санкт-Петербурга, 15 июня 2028 года, 09:17	25
Окрестности Санкт-Петербурга, 15 июня 2028 года, чуть	26
позже	
Глава пятая. Телеметрический детектив	29
Моргулис. Опыт личного общения	29
Подмосковье, неизвестно чьё частное владение, 15 июня	31
2028 года, 09:57	
Москва, Малая Лубянка, штаб-квартира ФСР, 15 июня	32
2028 года, 09:57	
Глава шестая. На честном слове и на одном крыле	35
Небо над «Хеопсом», 15 июня 2028 года, 09:42	35
Небо над «Хеопсом», 15 июня 2028 года, 09:44	35
Пулковское водохранилище, чуть позже	37
Шоссе Санкт-Петербург – Царское Село, 15 июня 2028	39
года, 10:39	
Глава седьмая. Кое-что из жизни лесбиянок	41
Малая Лубянка, 15 июня 2028 года, 10:39	41
Шоссе Санкт-Петербург – Царское Село, 15 июня 2028	42
года, 10:57	
Малая Лубянка, 15 июня 2028 года, 11:37	43
Санкт-Петербург, квартира Гюрзы, 15 июня 2028 года,	44
11:38	
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	47
Глава первая. Трудовые будни террористов и следователей	47

Малая Лубянка, 15 июня 2028 года, середина дня	47
Санкт-Петербург, 15 июня 2028 года, середина дня	48
Малая Лубянка, 15 июня 2028 года, 14:42	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Виктор Точинов

МЕРТВЫЕ ЗВЕЗДЫ

Мальчикам, мечтающим о космосе, посвящается...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«НЕМЕЗИДА», ВИД НА ЭКРАНЕ

Глава первая. Рейтинг больше чем жизнь

*У каждого события, даже у выскочившего на носу прыщика,
есть своя предыстория и причина.
Б. Акунин, «Особые поручения»*

**Внеземелье, ДОС «Немезида-17», 12 июня
2028 года, 20:42 (время по Гринвичу)**

Выглядела «Немезида» грозно – хотя опустевшие консоли давно лишились смертоносных ракет, а демонтированные башенки лазерных установок заменены сверхштатными, не предусмотренными изначальной конструкцией шлюзами с пристыкованными спасательными капсулами – их теперь семнадцать, по числу участников шоу. Вернее, семнадцать шлюзов, но капсул всего лишь четырнадцать. После очередного голосования – четырнадцать.

Но даже на экране, с безопасного расстояния (телесигнал и тот доходит с сорокасекундной задержкой) видно: громадина, плывущая на фоне бездонной звездной черноты, создана, чтобы убивать. Мстить, в полном соответствии с названием. Мстить победителям в так и не разразившейся войне. Мстить не сразу – через год, а то и через два после их победы.

И как ни разоружай «Немезиду», как ни украшай броневые борта светящимися рекламными надписями – ничем не скрыть первоначальные намерения конструкторов и строителей оружия возмездия. Совсем иначе смотрятся коммерческие орбиталки, где любой желающий может вкушать двухдневных прелестей космического бытия. Точнее сказать, не совсем уж любой... Но совершеннолетний гражданин, не имеющий противопоказаний к космическим путешествиям, согласный расстаться с парой сотен тысяч евро и прождать пару лет своей очереди – сполна хлебнет романтики Внеземелья: побарахтается в невесомости, отведает точную копию рациона Армстронга, и узнает наконец величайшую тайну астронавтики: как же, черт возьми, справляют малую и большую нужду закованные в скафандры звездоплаватели??!

Однако «Немезида» игривых мыслей об интимных проблемах космонавтов не вызывала. Тем более сегодня, в день прямого эфира четвертого голосования. Способствовал тому и голос Жоржа Измайлова – умел ведь, стервец, когда надо, отбросить томно-игривый тон, сурово чеканил слова:

– Итак, вот он – момент истины. Сейчас их четырнадцать – четырнадцать юношей и девушек, сменивших тепло и уют Земли на полную опасностей ледяную пустоту. Через полчаса их останется тринадцать. Кто-то должен уйти. Навсегда уйти. Кто именно – решать лишь вам, дорогие телезрители. Напоминаю: участники реалити-шоу «Наши звезды» нахо-

дятся в спасательных капсулах и не видят результатов вашего голосования. И не увидят его итогов до самого последнего момента: до аварийной отстыковки одной из капсул. Все мы знаем, как ненадежны результаты предварительных рейтингов. Никто из четырнадцати не может быть уверен, что останется в игре. НИКТО. Все зависит от вас, господа. От каждого из вас. Взгляните на нижний левый угол экрана – разрыв между участниками ничтожно мал. Сэкономив пятьдесят центов на СМС-сообщении, вы можете зачеркнуть чью-то жизнь. Не экономьте! Голосуйте! Жизнь и смерть – выбор только за вами!

На этой патетической ноте Жоржик замолчал. Камера медленно наплывала на «Немезиду». В углу быстро мелькали цифры в колонке из четырнадцати чисел – уже шестизначных. Звучащая музыка становилась всё тревожнее...

Затем, видимо, режиссер посчитал, что достаточно нагнетать трагичные мотивы – и пустил в эфир рекламный блок. На экране жених, сияющий лучезарной улыбкой, вручал невесте свадебный подарок – сертификат «Медовая неделя». Провести помянутую неделю предстояло на борту орбиталки «Нежность». Ликующая невеста бросилась на шею суженому, не оставляя сомнений: экстремальный секс в невесомости был ее заветной мечтой аж с младшей группы детского сада.

Потом чукча-оленеvod возликовал ничуть не менее – купив смарт-телефон фирмы, в числе прочих спонсирующей полет «Немезиды». Другие операторы сотовой связи на его чум свой роуминг распространять не желают – но теперь, однако, не придется гонять сто верст по заснеженной тундре на нартах, дабы послать СМС-ку в поддержку любимой участницы реалити-шоу.

Потом «Королева пенной чистоты» – Настя Чистова – рекламировала в душевой кабинке «Немезиды» нечто, дарующее неземную свежесть и чистоту. В прямом смысле неземную, космическую. Самые интересные части тела Насти прикрывала переливающаяся «мозаика» – постоянные зрители не унывали, знали: в ночном повторе все цензурные ограничения исчезнут.

Потом прочие участники полета хрустели чипсами, и демонстрировали, как не засохнуть в невесомости без лучших в мире газированных напитков, и рекламировали еще множество полезных, вкусных и жизненно необходимых вещей...

Потом пошла нарезка фрагментов прошлых передач: ракета, стартующая с плавучего космодрома, и шумные сборища в кают-компаниях «Немезиды», и душевные разговоры в двухместных каютах, и прочие детали и детальки внеземного нелегкого быта.

Потом установленные в капсулах камеры начали по очереди показывать участников проекта, ожидающих решения телезрителей. Напряженные, тревожные лица. Цифры рейтингов замелькали с куда большей скоростью. В противоположном углу экрана – другие цифры, обратный отсчет времени, оставшегося до конца голосования.

Три минуты, две, одна... Ноль в первом окошечке. Пошла последняя минута. Чья-то и в самом деле последняя минута... Цифры рейтингов окончательно взбесились – за мельканием десятков и сотен проголосовавших не уследить глазом, видны лишь изменения в тысячах. Миллионы у экранов затаили дыхание, валидол и валокордин наготове.

Снова общий план станции. Обратный отсчет – 00:00. Цифры рейтингов исчезают. Мало кто успел понять, против какой из фамилий напоследок оказалась наименьшая цифра.

Двухсекундная пауза тянется бесконечно, и...

Неяркая вспышка, громкий хлопок пироножа – явно наложенный спецэффект, какие уж там звуки в космическом вакууме. Аварийная отстыковка. Одна из капсул отделяется от «Немезиды» и медленно плывет в черное никуда. Системы автономного жизнеобеспечения отключены, воздуха внутри на пятнадцать-двадцать минут. Кто-то выбыл из игры. И из жизни.

Но кто?

И вдруг, совершенно неожиданно, – снова рекламный блок.

Ответ прозвучал – но на десять минут позже, чем при прошлых эфирах голосований. Техническая накладка. Неудивительно, с каждым днем «Немезида» все дальше от Земли...

Подмосковье, главный офис КРТ, 15 июня 2028 года, 08:30

«FRAISHER VI» НИГДЕ НЕ ПОДВЕДЕТ!

Не лгала реклама, ой не лгала. Ни словечком. Не подвел шампунь, чье название переводилось с французского как «Свежий ветер», не подвел родимый...

Русые волосы Насти Чистой (в миру – Кузякиной) оставались такими же пушисто-нежными, такими же невесомыми... В прямом смысле слова невесомыми. Никаких секущихся кончиков, никакой, упаси Господи, перхоти. И – ни капельки крови.

Кровь парила лишь вокруг ее фигуры, нелепо раскорячившейся, повисшей в центре спасательной капсулы. Парила, собравшись в шарики идеальной формы.

Стрельцов чисто теоретически знал, что так оно и происходит при отсутствии гравитации – и всё равно изображение на экране корбило своей неправильностью. Подсознание упрямо вопило: «Не может такого быть! Не может!» Труп полагается мирно лежать, но не левитировать. А пятна крови, и кусочки черепа с прядями прославленных бесконечными рекламными роликами волос, и частицы мозгового вещества, – должны располагаться вокруг неподвижного тела, а не пародировать иллюстрацию из «Занимательной космонавтики».

Тошнотворная картина... Хотя навидался за свою жизнь Стрельцов и криминальных трупов, и мест преступлений предостаточно, – все равно тошнотворная.

По всему судя, оператора, проводившего последнюю съемку Насти, жизнь с застреленными людьми вообще не сталкивала. Переносная камера в его руках дергалась, а саунд-трек состоял из сдавленных звуков, без труда опознаваемых как сдерживаемые рвотные позывы.

«Сейчас сблюет», – подумал Стрельцов. Он и сам почувствовал противное шевеление в желудке и пищеводе – когда представил, как к парящему в капсуле непотребству добавятся полупереваренные остатки шоколадного батончика «Космо» (их ежедневно поедали в обязательном порядке все участники космического шоу – непременно под камерами, непременно с неземным блаженством на лицах).

Обошлось. Желудки справились – и у неведомого оператора, и у Стрельцова.

ГП видел запись явно не в первый раз – и держался спокойно. Относительно спокойно: ногти – длинные, наманикюренные – выстукивали по полировке стола бесконечную дробь, негромкую и неприятную.

Жоржик Измайлов спокойным не мог быть по определению – натура тонкая, ранимая, творческая... Ерзал на стуле, кривил физиономию в страдальческих гримасах, демонстративно отворачивался от экрана – но вновь и вновь возвращался к нему взглядом. Хотя и для него съемка наверняка не стала откровением.

Лось сидел прямо и неподвижно. Казался равнодушным, как истукан с острова Пасхи. Впрочем, он всегда таким казался: лицевые мышцы, выращенные из стволовых клеток кудесниками «Росбиосинтеза», прижились хорошо, но мимикой на эмоции своего владельца отчего-то не откликались...

Стрельцов вздохнул. И чистосердечно признался:

– Ничего не понимаю... НИ-ЧЕ-ГО.

Он действительно не понимал. Миллионы, если не миллиарды людей с замиранием сердца следили, как мелькали в нижних углах их экранов цифры – голосование получилось

напряженное, замыкающая тройка участников шла, как говорится, ноздря в ноздю... А потом те же миллионы и миллиарды видели, как сработала аварийная отстыковка: взрыв пирометра отшвырнул капсулу с проигравшей Настей от шлюза «Немезиды». Пуповина кабеля натянулась и лопнула – оборвав прощальную фразу девушки: «Прощай, мама! Я...» – фразу, сотни раз прокрученную с тех пор в эфире... И крохотная скорлупка капсулы поплыла под трагически-надрывную музыку в бескрайность космоса – уменьшаясь, уменьшаясь, уменьшаясь...

Многочисленные поклонники Чистовой обливались слезами... Долго обливались, часа три. До тех пор, пока в идущем на Центральную Европу повторе не узрели маленькую техническую накладку: финальные кадры трагедии задержались в эфире на пару секунд дольше – и в самый последний миг в углу экрана мелькнул силуэт «шаттла», догонявшего капсулу.

Тут же возликовали фанатские сайты и форумы: «Жива Настена! ЖИВА!!!»

И остальные «погибшие», как уверяли фанаты друг друга, непременно появятся на вручении приза победителю – живые, здоровые, улыбающиеся...

Насчет остальных Стрельцов не был уверен, но Насте Чистовой улыбаться в прямом эфире уже не придется. «Росбиосинтез» выращивать из стволовых клеток запасные головы пока не научился...

Там же, 15 июня 2028 года, 8:37

– Вы, золотой мой, не совсем представляете специфику подобных шоу, – проворковал Генеральный, сопроводив реплику томным взглядом.

Стрельцов украдкой поморщился. Манеры ГП не то что намекали – во весь голос вопили об ориентации, весьма далекой от традиционной. Однако самыми тщательными оперативными разработками не подтверждались и эти намеки, и эти вопли. И даже инсинуации желтой прессы не подтверждались. Чист был Генеральный Продюсер КРТ (Коммерческого Российского Телевидения), чист, аки праведник Лот посреди теле-Содома и шоу-Гоморры... Очевидно, всего лишь не хотел выглядеть белой вороной на голубятне.

– «Наши звезды», серебряный вы мой, по техническим причинам идут в эфир с небольшой задержкой.

– Ну да, пресловутые двадцать секунд... – вспомнил Стрельцов.

– Какие двадцать секунд? – капризно встрял Жоржик. – Какие двадцать секунд? У нас на монтаже и режиссуре люди работают, не роботы! Два часа, и ни центом меньше! А я, между про...

ГП одарил лучшего своего шоумена коротким взглядом, отнюдь не томным. Жоржик смолк на полуслове, словно в режиссерской кто-то дернул убирающий звук тумблер.

А затем Генеральный просветил Стрельцова и Лося, – регулярно именуя их по ходу рассказа всевозможными прилагательными, образованными от названий драгоценных и полудрагоценных минералов, металлов и сплавов.

«Попался бы ты мне в две тысячи двенадцатом, во время Большой Зачистки, – неприязненно думал Стрельцов, – показал бы я тебе „гиацинтового“ и „александритового“... У нас в кабинетах тогда олигархи плакали, как дети...»

Но под Большую Зачистку ГП не угодил, пробившись в высшие сферы уже после финансовой амнистии. И бестрепетно разливался соловьем, разъясняя нюансы нелегкой своей специфики.

Как выяснилось из слов Генерального, в четвертом туре отсеяться предстояло картофельной леди Кате Хрустовой. Именно она должна была уплыть в глубины космоса, именно ее оборванная фраза должна была воздействовать на слезные железы... Но Катя осталась в игре. Потому что некто, неведомо как проскользнув невидимкой мимо телекамер, про-

ник в шлюз, открыл люк в капсулу Насти – и поставил точку в карьере «королевы пенной чистоты». Свинцовую точку калибра девять миллиметров, как минимум, – Стрельцов наметанным взглядом именно так оценил входное пулевое отверстие. Да и пуля непростая, разрывная, а то и мини-фугас...

– Но почему Хрустова? У нее же были относительно неплохие рейтинги? – вновь удивился Стрельцов. Лось упорно молчал.

ГП и Жоржик обменялись взглядами, исполненными превосходства, – словно два шестиклассника, умудренных знанием про *это*, услышали наивный вопрос первоклашки, верящего в аистов и капусту. Генеральный сделал разрешающий жест.

– Какие-такие рейтинги?! – глумливо спросил Жоржик. – Что вы знаете о рейтингах? Вы можете лишь знать, за кого отправили свою СМС-ку. Ну разве еще, за кого голосовал пяток ваших друзей и знакомых! И всё! Какой дебил вам наплел, что вопросы жизни и смерти решаются придурочным голосованием?

ГП слушал с улыбкой. И, будто невзначай, будто машинально, поглаживал два лежащих на столе листка бумаги – полчаса назад скрепленных подписями Лося и Стрельцова. В случае разглашения в любом виде информации, озвученной сейчас Жоржиком, оба следователя могли лишиться всех сбережений, квартир, прочего движимого и недвижимого имущества. После чего могли поступить в вотчину Генерального простыми охранниками – вкалывать без зарплаты, за спецодежду и трехразовое питание, вкалывать до преклонных лет, – и все равно остались бы должны КРТ астрономическую сумму.

«Жизни и смерти...» – отметил про себя Стрельцов. Значит, всё всерьёз. Значит, никаких чудесных спасений. Мчащийся на помощь «шаттл» – банальная компьютерная графика для успокоения слишком плаксивых. Пропади он пропадом, чертов Совет Европы, выдвинувший шесть лет назад сто сорок седьмое, последнее условие вхождения России в Шенгенскую зону: принятие Госдумой «Закона об эвтаназии и добровольном суициде». Приняли, никуда не делись... И всё. Никак эту скользкую парочку и прочих их поделльников теперь не прихватишь. Лежат у них наверняка в сейфе полтора десятка заявлений от участников космического шоу, подписанных-заверенных, не подкопаешься: согласны, дескать, добровольно уйти из жизни...

Он снова взглянул на экран, где в стоп-кадре застыло искаженное лицо Насти. Это – суицид? Это – эвтаназия?

Лось наконец нарушил свое молчание.

– Зачем вы обратились в ФСР? Ведь Чистова никак не должна была победить – настоящие у нее рейтинги, или фальсифицированные. Слишком отставала от лидеров. На тур раньше, на тур позже, – какая разница?

– За каждый не пройденный ею тур, яхонтовый вы мой, представляемые Настей компании уже выложили громадные деньги, – проворковал Генеральный. Но затем интонация его изменилась, заговорил жёстко и твердо: – Вы даже вообразить не в состоянии, насколько громадные. Придется их возвращать – вместе с неустойками. Но главное не это. Кто-то протасил на борт «Немезиды» пистолет и играет теперь не по правилам. Участники шоу в панике, добиться от них нужного поведения перед камерами все труднее. Но и это не главное... Восемь часов назад произошла нештатная ситуация. На несколько минут отключилось электропитание – погас свет, обесточились камеры. Лишь кое-где горели крохотные аварийные лампочки... И немедленно последовало новое покушение. На сей раз стреляли в победителя. В того, кто должен был вернуться.

– И??

– Ранена... Легко... Царапина.

ГП выдержал паузу и вновь вернулся к томной манере разговора:

– Надеюсь, задача ясна, хриstopразовые мои? Надо немедленно прикрыть этот космический тир. Немедленно...

Глава вторая. Кое-что из жизни камикадзе

*Парашиют оставлен дома,
На траве аэродрома,
Даже если очень захочу – не свернуть.
Облака перевернулись,
И на лбу все жилы вздулись,
И сдавило перегрузками грудь...
А. Розенбаум, «Камикадзе»*

Санкт-Петербург, 15 июня 2028 года, 8:17

Водитель трейлера, лысеющий мужчина лет сорока пяти (представить он не посчитал нужным), заметно нервничал. Причем сказать именно так – значит оценить его состояние с максимальной мягкостью. А прямо говоря – водитель дрожал, как осенний лист на ветру, и вызывал желание скормить ему какую-нибудь патентованную пилюлю, способную предотвратить неприятные кишечные неожиданности.

И я не понимал, в чем причина столь откровенного страха. В конце концов, перевозка «Пустельги» ни один из российских либо международных законов не нарушает – при наличии, разумеется, документов, подтверждающих легальное владение означенным летательным аппаратом.

Четыре же «Кадета» – нахождение коих в частной собственности законы отнюдь не приветствуют – прибывали к точке randevu другим транспортом, и установить их под крыльями «блехи» надлежало перед самым вылетом, когда трейлер будет уже далеко.

Так отчего же паникует водитель?

Неужели Паша Пастушенко раскрыл ему все карты? Сомнительно... Глупо посвящать в подробности операции человека, роль которого сводится к доставке груза из точки А в точку Б.

И я перестал ломать голову. Мало ли безобидных причин для чужого страха можно при желании отыскать? Может, мужик забыл вынуть из кармана рубашки письмо от любовницы, а жена как раз сегодня затевает стирку?

Пока я размышлял над гипотетическими семейными проблемами лысеющих водителей, вступивших в критический для мужчины возраст, трейлер проскочил трехуровневую развязку на площади Победы – на удивление легко и быстро, не застряв в почти неизбежной пробке. Время транспортировки Паша спланировал идеально. Лишь пару часов спустя ведущие в город дороги густо покроются машинами – менеджеры среднего звена устремятся из загородных коттеджей в свои офисы. Да и общественного транспорта на улицах прибавится – потоки офисного планктона тоже потекут к месту службы. А в небе появится немало частных летательных аппаратов класса «airfleas», принадлежащих солидным людям, очень дорого ценящим свое время...

А сейчас хорошо. У пролетариев баранки закончилась ночная смена, а шоферы, работающие в дневную, только-только получают в диспетчерских документы на сегодняшние рейсы. И на дорогах непривычная пустота.

Да, Пастушенко понимал-таки толк в оперативном планировании... И вообще был неплохим парнем. Одна беда: у меня имелось навязчивое подозрение, что после сегодняшней операции он попытается от меня избавиться. Ликвидировать. Как говорится: дружба дружбой, но исполнители иных акций не свете не заживаются...

Как раз такая акция запланирована на сегодня. И главный исполнитель, как вы уже догадались, – я.

Пастушенко, история вопроса

Паша Пастушенко сам вышел на меня месяц назад. И не стал ходить вокруг да около, благо знакомству нашему уже полтора десятка лет, – правда, после выпуска потеряли друг друга из вида... Дело в том, что учебное заведение, в котором знакомство имело место, организацию юбилейных встреч выпускников не практикует. Да и конторы, куда тех выпускников распределяют, держат под плотным присмотром внеслужебные контакты сотрудников.

Короче говоря, Паша пришел ко мне неожиданно-негаданно, и заявил с порога: дескать, знает обо мне всё. И где я служил, и за что меня оттуда выперли, и чем я занимаюсь сейчас... После чего предложил работу: не слишком трудную, разовую, – но за хорошие деньги.

Оговорюсь: не слишком трудную именно для меня. Потому что задумал Паша не много и не мало – уничтожить объект, в службе безопасности которого я прослужил четыре года, пока не погорел на... Ладно, не будем о грустном.

В общем, все бреши, все мышинные норки, тараканьи щелки и подземные кротовьи ходы в продуманной системе защиты я знал наперечет – и за полгода моей вольной жизни едва ли там многое изменилось...

Ну и чем, угадывайте с трех раз, я мог ответить на такое заманчивое предложение? Совершенно верно, ответил встречным предложением. Выбирай, дескать, Паша: либо ты быстро-быстро уходишь и в жизни не попадаешься мне на глаза, – а я ради старой дружбы делаю вид, что разговора этого не было. Либо останешься, но уйти своим ходом уже не получится. Увезут на спецтранспорте – сначала в госпиталь, потом в одно большое и красивое здание на Литейном проспекте.

Пастушенко моим благодушием не воспользовался и не ушел. Но тут же увеличил предлагаемую сумму – не намного, всего на двадцать процентов. Оно и правильно – если вербовать человека опытного, то сулить ему золотые горы бессмысленно, лишь насторожится: а собираются ли вообще с ним расплачиваться? Но, на Пашину беду, методы вербовки мы с ним изучали в одном месте...

Я вздохнул и потянулся к красной кнопке, украшавшей панель визора, подковырнул ногтем прозрачный щиток, защищавший ее от случайных нажатий. У меня, понятное дело, имелись каналы прямого выхода на людей, способных по долгу службы весьма заинтересоваться нашим разговором. Но телефонная связь – вещь нежная и по большому счету беззащитная, а вот с единой аварийной частотой не забалуешь, любой источник помех, объявившийся в этом диапазоне, запеленгуют и ликвидируют очень быстро...

Нажать на кнопку я не успел – Паша быстро произнес два слова: «Туркестан» и «био-гранаты». Да-а-а... Источники информации у него явно не подкачали... Оставив визор в покое, я вновь вздохнул и задумчиво повертел в руках кастет, лежавший на столе в качестве пресс-папье.

Пастушенко тут же начал развивать инициативу: сообщил, где сейчас живет и работает Иринка, где учатся дети, какой у них распорядок дня и как легко до них при желании добраться.

А вот здесь он промахнулся. Змейски улыбнувшись, я посоветовал ему – коли уж решил воздействовать на меня через бывшую семью – начать с бывшей тещи. Увезти ее в какое-нибудь глухое местечко, подвергнуть зет-обработке – тогда, глядишь, я расчувствуюсь, и отблагодарю, и помогу, чем смогу...

Сообразив, что атакой с этого фланга меня не пронять, Паша выложил на стол снимок, щелчком ногтя отправил ко мне. Мы с Женькой... Голокарточка – явно результат скрытой съемки, проведенной год назад в Коктебеле. Солнце, синее небо, наши улыбающиеся лица...

Вот тут во мне что-то дрогнуло... И подлец Пастушенко мгновенно это почувствовал.

Окрестности Санкт-Петербурга, 15 июня 2028 года, 08:39

«Пустельга» выскользнула из трейлера по наклонному пандусу и оказалась на старой, заброшенной бетонке, избранной нами в качестве точки выгрузки.

С обеих сторон дороги тянулись к небу заросли высоченного борщевика – в последние годы владельцы пригородных полей предпочитали культивировать именно это растение. Невезучие владельцы, естественно, – чьи угоды пока не были выкуплены под коттеджные поселки, шоп-зоны и развлекательные комплексы.

Поговаривали, что новая для Нечерноземья монокультура быстро истощает почвы, и лет через десять дешевое сырьё для биореакторов аукнется огромными деньгами, вложенными в рекультивацию. Может, оно и так, не знаю. Но для нашей операции эти зеленые джунгли более чем кстати – в старомодном капустном или морковном поле не больно-то утаишь те интересные вещи, что мы собирались проделать с «Пустельгой». Сейчас, в середине июня, генно-модифицированный борщевик успел вымахать в половину своего полного роста, достигнув четырех метров, – и со стороны невозможно было разглядеть даже крышу трейлера.

Крыло пришлось выгружать при помощи грузоподъемной стрелы, которой был оборудован упомянутый транспорт. Нет, штатные крылья-лопасти при транспортировке не демонтируются – неподъемная металлическая конструкция входила в дополнительную комплектацию и теоретически должна была служить пилоном для навесного оборудования: метеорологического, или сельскохозяйственного, или применяемого спасателями для розыска попавших в беду туристов...

Как известно, «Пустельга» – небольшая, относительно недорогая и простая в эксплуатации – применяется не только как личный транспорт, но и активно используется всевозможными службами. Но оснащение ее пилон «Кадетами» – мое личное ноу-хау. До такого еще никто не додумался, возможно оттого, что эти портативные ракетки класса «воздух-земля» разработаны совсем недавно, и достать их не так-то легко. До сих пор террористы всех мастей использовали «воздушных блох» по старинке – набивали взрывчаткой, насколько позволяла грузоподъемность, и готовили пилота-камикадзе.

Меня же роль камикадзе отнюдь не влекла. Хотя, конечно, в идеях Паши Пастушенко было много здравых мыслей – но фанатичного желания умереть ради их воплощения все равно не возникало...

Пастушенко. История вопроса

Затем Паша принялся за мои патриотические чувства. Патриот ты, дескать, России или нет?

Я отвечал, что мой патриотизм пришлось сдать, уходя со службы, – вместе с удостоверением, личным оружием и номерным жетоном. Без этого обходной лист не подписывали. Так что можете отныне считать меня безродным космополитом. Гражданином мира, если кто позабыл греческий.

К тому же мне не совсем было ясно, каким образом уничтожение «Хеопса» поможет означенный патриотизм проявить. О чем я немедленно сообщил Пастушенко. Но тон выбрал достаточно сомневающийся, провоцирующий на уговоры и разъяснения... Ибо все-

рьез заинтересовался, кто же стоит за спиной бывшего сокурсника – у кого хранятся копии голокарточки и остальное мое досье... С кем придется иметь дело потом, когда Паша ляжет в небольшую, но уютную ямку на каком-нибудь загородном пустыре. А он туда ляжет, потому что я очень не люблю шантажистов.

Пастушенко начал объяснять, не догадываясь о моих не слишком отдаленных планах, касающихся его персоны. Или догадываясь... Пожалуй, судя по тому, как развернулись дальнейшие события, – все же догадываясь...

Так вот, давил Паша, после второго Алабамского инцидента всем более-менее серьезным аналитикам стало ясно, что дни Америки как великой державы сочтены. Белые американцы уже стали всего лишь относительным большинством в своей стране – пока еще превосходят по численности и негров, и латиносов, и китаёз – но лишь если брать тех по отдельности. А если рассматривать всех вкупе – тридцать шесть процентов белого населения против шестидесяти четырех цветного. И соотношение это постоянно меняется. Понятно, в чью пользу.

Пессимисты предрекают, что на выборах тридцать второго года выбирать придется между президентом-негром и президентом-латиносом – а победит из них тот, кто возьмет в вице-президенты китайца...

Я себя к серьезным аналитикам никогда не причислял, однако звучали Пашины слова здраво. Но, мягко говоря, не оригинально. Осторожно и предположительно хоронить Соединенные Штаты аналитики начали еще после первого Алабамского инцидента, а после резни в Майами-Бич заявляли уже уверенно: всё, мол, Штаты стоят на пороге раскола и новой гражданской войны, и вот-вот переступят этот порог, – так не пора ли подумать о возвращении Аляски? Не имел, дескать, Александр-Освободитель никакого права торговать страной. Да и про Калифорнию, и про Гавайи, если порыться в учебниках истории, можно вспомнить много интересного...

Разговоры остались разговорами. Штаты живут и здравствуют – хотя, конечно, излишне спокойной ту жизнь не назовешь... И опять-таки: ну при чем здесь «Хеопс»?

Очень даже при чем, сказал Пастушенко. Сейчас объясню.

И объяснил.

Окрестности Санкт-Петербурга, 15 июня 2028 года, 08:43

Водитель трейлера, не прощаясь, запрыгнул в кабину. И тут же от души газанул, обдав меня сизым облаком. Ладно хоть без характерного для бензиновых двигателей резкого запаха – в процессе метанового биосинтеза ароматические углеводороды не образуются, а серы в метане и без того нет...

Ну что же, из-за чужой нервной торопливости я получил фору – незапланированный люфт времени. Небольшой, минут семь-восемь, но и эти минуты можно использовать с пользой.

Чем я и занялся. Включил энергосистему «Пустельги», но вместо предписанной инструкцией проверки показаний датчиков достал карманный сканер и начал кропотливо исследовать обшивку кабины. Приборчик трудолюбиво попискивал, мигал светодиодами и демонстрировал цифры на крохотном экранчике дисплея – рапортовал о всевозможных кабелях и проводах, тянущихся под обшивкой.

Матчасть в последние две недели была изучена мной досконально. Не то... всё не то... Штатные провода на своих законных местах... Опа! А это что такое?

...«Это» оказалось тонким белым проводом. Один его конец исчезал в недрах блока связи, другой тянулся к металлическому цилиндру, упрятанному между обшивкой и кожухом двигателя. Небольшой сюрприз от мистера Пастушенко. Интересоваться содержимым

цилиндра времени уже не оставалось. Да и не велика разница, каким именно сортом взрывчатки Паша собрался отправить меня на небеса. Точнее говоря, собрался не позволить вернуться с небес на грешную землю живым и здоровым.

Убедившись в отсутствии других неожиданностей – например, настроенных на неизвлекаемость датчиков – я выдрал цилиндр вместе с проводом и зашвырнул подальше в заросли борщевика. Затем с чувством удовлетворения от хорошо выполненной работы вернулся в кабину и покатыл в «точку-бис»...

«Пустельга», равно как и другие летательные аппараты ее класса, способна передвигаться на манер автомобиля. И даже имеет все полагающиеся наземному транспорту аксессуары: например, клаксон и указатели поворотов, при полетах излишние. Но за универсальность всегда приходится чем-то платить – и «воздушные блохи» скоростью наземного движения могут потягаться лишь с тяжело нагруженными самосвалами, порожние их легко обгоняют.

Короче говоря, семь километров до «точки-бис» пришлось добираться десять минут. Хватило времени поразмыслить и понять: что-то больно уж легко и просто все складывается. Лично я, решая похожую задачу, установил бы на «блоху» не один, а два сюрприза: причем первый именно в расчете на то, что его обнаружат. А второй замаскировал бы так, чтобы найти его, не разобрав аппарат на детали, было невозможно. Причем постарался бы обойтись без электроники – какой-нибудь простейший механический взрыватель. Например, срабатывающий при посадке от включения тормозной системы...

А кто сказал, что Паша Пастушенко менее предусмотрителен? Учили-то нас в одном и том же месте, одни и те же педагоги...

Пока я размышлял, как бы при таких вводных переиграть бывшего сокурсника, «Пустельга» подкатила к перекрестку – заброшенная бетонка пересекалась с асфальтовой дорогой, находившейся в куда более приличном состоянии. Однако случайного транспорта (и случайных свидетелей) ждать не стоило. Обычно здесь ездят трактора и прочие сельхозмашины, но сегодня оба выезда на шоссе перекрыты – орлы Паши изображают срочные дорожные работы...

Прямой участок дороги мне надлежало использовать в качестве взлетной площадки. А также в качестве посадочной полосы – приземляться в вертолетном режиме времени не будет... И именно здесь «воздушная блоха» сейчас должна была получить снаряжение, доказывающее: она способна не только прыгать, но и кусаться – совсем как одноименное насекомое.

Микроавтобус, привезший «Кадеты», уже стоял на перекрестке. И машина, и сопровождающие ее люди мне сразу не понравились.

Глава третья. Космические дела и земные делишки

*В далеком созвездии Тау Кита
Все стало для нас непонятно...
В. Высоцкий, «Тау Кита»*

Подмосковье, 15 июня 2028 года, 09:07

За воротами огромного загородного комплекса КРТ вновь толпились пикетирующие с плакатами – и вроде бы число их несколько увеличилось. По крайней мере по дороге сюда Стрельцов точно не видел десяток бодрых старушек, растянувших здоровенную матерчатую ленту с обличающими словами:

ВЫ УБИВАЕТЕ НАШИХ ВНУКОВ!!!

Более молодые представители протестующей общественности использовали гоппры: куда как удобно – нажал кнопку в кармане, и над головой объемные мерцающие буквы складываются в призывы самого возмутительного содержания. При любой же угрозе со стороны стражей порядка обнулил текущую запись – и вновь в памяти портативной коробочки хранятся лишь семейные портреты или шедевры мировой скульптуры, а «Закон об экстремизме» может спокойно отдохнуть...

Старушки со своим архаичным плакатом вообще выглядели несколько театральными. Опереточными. Где, скажите на милость, они откопали допотопные, по моде начала века, брючки-стрейч и топики? В далекой глухой провинции или в театральной костюмерной? И, самое главное, зачем? Чтобы выставить напоказ отвислые животы, изукрашенные давным-давно вышедшими из моды татуажем и пирсингом?

Короче говоря, вблизи пенсионерки показались Стрельцову не настоящими. Хотя он допускал: мельком и издалека показанные в очередном репортаже, будут они выглядеть вполне правдоподобно.

Впрочем, пикетирующие отнюдь не смотрелись той многочисленной толпой, что ежедневно предстала в выпусках новостей Ти-Ви-Кей – телеканала, наиболее остро конкурирующего с вотчиной ГП. Справедливости ради стоит отметить, что и новости КРТ мельком упоминали об акциях протеста против шоу «Наши звезды» – только вот отчего-то те же пикетчики стараниями операторов выглядели малочисленной кучкой маргиналов. Просто удивительно, как меняется взгляд на мир – если правильно выбрать план и точку съемки. И если сопроводить видеоряд правильными комментариями ньюсмейкеров.

Несколько километров напарники проехали молча. Потом Лось коснулся плеча Стрельцова, кивнул на ближайший лесок. Стрельцов кивнул в ответ. И в самом деле, вести какие-либо разговоры в БМВ двенадцатой серии не стоило – до тех пор, пока технические спецы Федеральной Службы Расследований досконально не проверят на предмет подслушивающе-подглядывающей аппаратуры полученную от щедрот ГП шикарную машину.

Детище баварских автомобилестроителей, плавно покачиваясь на российских кочках, въехало на небольшую, не видную с дороги полянку. Напарники вышли из салона, отошли на пару десятков шагов, учитывая возможность того, что БМВ заодно напичкана и наружными микрофонами.

– Ну, что скажешь? – спросил Стрельцов.

– А что тут говорить? – ответил отнюдь не Лось, но чей-то голос из густых кустов бузины. – Попали вы, отцы. Конкретно попали.

На поляну шагнул индивид двухметрового роста – саженный разворот плеч, кулаки-арбузы, камуфляжная униформа без эмблем и знаков различия. Улыбался индивид весьма паскудно, а правая его лапища самым недвусмысленным образом лежала на расстегнутой кобуре.

«Немезида», история вопроса

Проект «Немезида» родился на свет в разгар «второй холодной войны», хотя нечто, отдаленно похожее, американцы пытались осуществить и в годы войны первой – на куда более низком техническом уровне, разумеется. Их спутники серии «Орион» проектировались как мегатонная боеголовка, вращающаяся вокруг Земли по отдаленной, очень вытянутой орбите. Предполагалось, что в случае проигранной ядерной войны оружие возмездия спустя несколько месяцев обрушится на головы торжествующих победителей – засечь и как-либо остановить приближающиеся к Земле «Орионы» не представлялось возможным. Обрушится автоматически, повинаясь полученному в ходе боевых действий сигналу.

Тот стародавний проект так и не был до конца реализован. При испытаниях выяснилось, что без постоянной коррекции полета точность попадания спутника-бомбы падает катастрофически: минимальный разброс достигал тысячи километров по долготе и трех-четырёх тысяч километров по широте. Выжигать термоядерными взрывами безлюдную сибирскую лесотундру не имело смысла, не говоря уже о риске угодить по собственной территории... Ни одна боеголовка так и не была выведена на орбиту.

Проект «Орион» заморозили, а тридцать лет спустя – рассекретили.

Но идея «отложенного возмездия» не умерла, возродившись уже в новой России в виде проекта ДОС – дальних орбитальных станций. «Немезидами» их окрестили западные журналисты, когда стало известно, что помимо продекларированной задачи – непосредственной подготовки марсианской экспедиции, – ДОСы выполняют и оборонительную функцию. Традиционное ядерное оружие, плюс нетрадиционное – способное породить и обрушить на побережье США или Китая тайфун невиданной силы, плюс лазерные системы, сводящие к нулю шансы уничтожить «Немезиду» ракетами земного или космического базирования.

После первых показательных стрельб 2014 года по пустынному району Тихого океана, после чудовищного тайфуна, залившего берега Земли Котса в Антарктиде гигантскими волнами, нежелание Запада признать возрождение России в ранге великой державы резко пошло на убыль. Да и Юго-Восточный Альянс прекратил свои регулярные требования передать пустующие и малозаселенные земли Сибири в международное пользование.

Затем, как и после первой холодной войны, началась разрядка. Генералы перестали играть мускулами, начали свой торг дипломаты. Россия медленно, преодолевая упорное сопротивление в каждой мелочи, входила в круг великих держав...

Рухнуло все в одночасье.

Формула биологического метанового синтеза, торжествующий доклад Герцмана и Ковальски в Нью-Йорке, Нобелевская премия, ликующее человечество, навеки освободившееся от угрозы энергетического кризиса...

Несколько лет спустя повсюду стояли метановые биореакторы – дешевые, производительные, экологически чистые – а нефть перестала быть козырем в международных делах. Ближний Восток, много десятилетий остававшийся крупнейшей ставкой в военно-политических играх, стал вдруг никому не интересным захолустьем. А Россия... Россия обнаружила, что ее возрождение было слишком завязано на нефтяную трубу. Что космические и

военно-космические программы съедают слишком много средств и приносят слишком мало отдачи.

«Немезиды» стали объектом банальной торговли: а какие кредиты вы предоставите, господа, если мы уберем с дальних орбит эту железную смерть?

К 2023 году из восьми введенных в строй «Немезид» три были демонтированы и затоплены в океане. Две, полностью разоруженные, вращались на околоземных орбитах. Еще две, совершавшие свой четырехлетний вояж к марсианской орбите и обратно в беспилотном режиме, канули в просторах космоса. Поломки? Столкновения с крупными метеоритами? – версий строилось множество, достоверная информация отсутствовала. «Росавиакосмос» заверил в официальном заявлении, что на ДОС, потерявшей связь с Землей, через месяц активизируется система самоуничтожения...

А восьмую «Немезиду» – ДОС с бортовым номером 17 – за огромную сумму арендовало Коммерческое Российское Телевидения для проведения самого масштабного реалити-шоу в мировой истории.

Подмосковье, неизвестно чье частное владение, 15 июня 2028 года, 09:30

– Конкретно вы попали, отцы, – повторил верзила с нескрываемым злорадством. – Лоханулись не по-детски. Табличку про частную собственность видели?

Стрельцов табличку, естественно, видел. Но проигнорировал. После введения в действие новых редакций Земельного и Водного кодексов в двухсоткилометровой зоне вокруг Москвы трудно, почти невозможно найти лесок или участок речного берега, не украшенный подобной табличкой.

Обнаружив, что нарушители никаких попыток к активным действиям не предпринимают, страж частной собственности несколько расслабился. Убрал лапищу с кобуры, из которой, как выяснилось, торчала рукоять «Беретты-2017». Заинтересованно оглядел машину.

– Не хилая у вас, отцы, тачка... Ну что, как расходиться будем? Полюбовно или по закону?

«Кому же, черт побери, принадлежит этот лесок, коли его сторож хамит так безбоязненно? – подумал Стрельцов. – Понимает ведь, что БМВ двенадцатой серии не по карману какому-нибудь задрипанному доктору наук или системному менеджеру...»

Лось тем временем неторопливо вытащил удостоверение ФСР, развернул на уровне глаз охранника, подержал несколько секунд, сложил и убрал обратно.

Верзила издал на редкость неприличный звук – нечто среднее между фырканьем и хрюканьем.

– Уморил, папаша! Вспомнил юность золотую... Не двенадцатый год на дворе, небось... Да мой хозяин тебя с корочкой твоей сжует – костей не высрет!

На лице Лося осталось прежнее, каменно-равнодушное выражение. Но Стрельцов заметил, как у него подрагивает нижнее веко, и торопливо попытался разрешить дело миром:

– Сотрудники ФСР имеют право нарушать границы частных владений в ходе оперативных мероприятий без выданного...

– Еще один уморист! – перебил охранник. – Какие-такие мероприятия?! В задок сыграть решили на травке? Короче, ясно, – не разойтись нам по любовному...

И он потянулся к висевшей на груди рации-брелку.

Это стало ошибкой охранника, причем уже третьей подряд. Первую охранник сделал, когда позволил себе намекнуть на нетрадиционную ориентацию Лося. Отчего-то (Стрельцов не знал причин и подробностей) Лось подобные намеки приводил в бешенство. Во второй раз страж здешних сосен и кустов ошибся, когда посчитал, что из двоих, посягнувших на

частную собственность, наиболее опасен Стрельцов – и наблюдал в основном за ним. Не стоило верзиле обманываться каменной неподвижностью физиономии Лося. И переводить взгляд на рацию тоже не стоило...

Огромный кулак ударил резко, без замаха. На вид не особо и сильно, но исключительно точно – охранник всхрапнул точь-в-точь по-лошадиному и рухнул. Лось потянул из кармана наручники из армированного стекловолокна – прозрачные, издалика практически незаметные: идет себе человек, скрестив руки на груди, мало ли кто как ходить привык...

«Понятно... – думал Стрельцов. – Понятно, отчего Лось угодил в туркестанскую ссылку – именно за такую вот манеру разрешать конфликтные ситуации, с тамошними абреками иначе нельзя, только силу и уважают. Неясно лишь, зачем коллегу из той ссылки вытащили – и на пару с другим штрафником отправили расследовать дело, где кипят космические страсти, замешанные на астрономических суммах...»

– Куда ты его собрался? – недоуменно спросил Стрельцов, глядя, как Лось открыл багажник БМВ и примеривается загрузить туда пленника.

– К нам. На Малую Лубянку. Потолкуем. А вдруг не случайность?

Стрельцов на секунду задумался. Ну, теоретически... Какой доро́гой они будут возвращаться от ГП, вычислить не проблема... И что вести откровенные разговоры в пожалованной от барских щедрот машине Стрельцов с Лосем не станут, тоже догадаться недолго... Причем свернули они в первое же местечко, показавшееся удобным... Да ну, мнительность. А если бы свернули во второе или третье? К тому же нарушение границ частного владения – слабоватый, знаете ли, крючок для офицеров ФСР. Хотя, как правильно заметил верзила, на дворе и не двенадцатый год, но силы и влияния у Конторы еще достаточно, чтобы игнорировать подобные мелкие каверзы...

Крышка опустилась. У двенадцатой «бээмушки» багажник хорошо вентилируется, так что клиент не задохнется. И все равно методы Лося отнюдь не привели в восторг его напарника.

...Потом они сидели на поросшем травой пригорке и отчего-то не спешили обмениваться впечатлениями – Стрельцов «курил» пустышку, Лось ковырял в зубах сорванной травинкой. Не клеился почему-то здесь разговор... Слишком уж все было вокруг настоящее... О проблемах ГП и его бизнеса лучше говорить там, в каменных джунглях, стиснутых удавкой четвертой МКАД, среди асфальта, бетона и ярко-зеленых синтетических газонов. А здесь хотелось бездумно лежать на траве и смотреть в небо, покрытое редкими пушистыми облаками...

Стрельцов с отвращением выпустил струйку искусственного дыма и попытался вернуться к рабочему настрою. Сказал:

– Любопытный разговор у нас получился с Моргулисом... Я-то был уверен, что он сделает всё, чтобы оттереть нас от дела и ликвидировать «космический тир» силами своей службы. А он, полное впечатление, сам не собирается палец о палец ударить. Берите, мол, любую информацию, вплоть до самой конфиденциальной, – но работайте сами, без нас. Пованивает от этого дела, Леша, ох как пованивает...

– Угу, – кивнул Лось. – А вот трава тут черт знает как пахнет... Дурею просто.

Моргулис. Досье

Досье Станислава Моргулиса, начальника службы безопасности Коммерческого Российского Телевидения, Стрельцов изучил более чем внимательно – именно потому, что предполагал: им непременно доведется натолкнуться на сопротивление, тайное или явное, означенного начальника. И еще по одной причине.

Досье оказалось достаточно любопытным. Нестандартным...

После Большой Зачистки к государству перешли не только блокирующие пакеты акций в корпорациях, получивших федеральный статус, но и исключительное право назначать руководителей корпоративных служб безопасности. Так сказать, «око государево» в относительно частном и относительно свободном бизнесе. Естественно, назначенные генералы, полковники и майоры отнюдь не всегда хранили верность присяге – большие деньги есть большие деньги – и часто «око» оказывалось крепко зажмуренным, но факт остается фактом: начальников частных охранок без гэбэшного прошлого можно было пересчитать по пальцам. Причем для пересчета хватило бы одной руки... И первый загнутый палец при подобном подсчете обозначал бы, без сомнения, С.С. Моргулиса – как-никак, КРТ, крупнейший медийный концерн...

Необычными были уже сами обстоятельства рождения будущего главы Управления внутренних исследований и работы с персоналом – именно так, завуалированно, предпочитало именовать свою «безпеку» КРТ.

Родился Стасик Моргулис четвертого апреля 1987 года в семье двух молодых переводчиков, недавних выпускников ЛГУ. Родился в Луанде, столице Анголы, где помянутые специалисты помогали строить не то социализм с человеческим лицом, не то народную демократию с африканской спецификой...

Вообще-то беременных советских специалисток загодя отправляли рожать на родину, в Советский Союз. Марину Моргулис отправить не успели – ее муж Сергей выехал в южные районы страны, сопровождая группу инженеров-гидростроителей, где и пропал без вести после нападения боевиков УНИТА – группировки, тоже желающей построить народную демократию, но без помощи коммунистов.

У молодой женщины от потрясения начались досрочные роды, и Станислав появился на свет в пригороде Луанды, в католическом госпитале святой Маргариты. (Советские товарищи активно обучали чернокожих ангольцев в медицинских вузах Союза, но сами предпочитали лечиться у врачей с темным колониальным прошлым, такой вот парадокс.)

Судьба Сергея Моргулиса так и осталась неизвестной. Возможно, он погиб во время преследования захвативших его боевиков кубинскими командос или умер своей смертью от какой-нибудь африканской болезни, привычной для местных жителей и смертельной для европейца. От УНИТА не поступали требования выкупа либо заявления о захваченном в плен «русском шпионе»... Прошло три месяца, и Марина вместе с младенцем вылетела на родину.

Однако спустя неполный год вернулась, а еще через год привезла сына – и детство маленького Станислава с тех пор проходило в Африке. Ходил в ясли-сад при посольстве, позже – в школу для детей русских специалистов.

В девяносто втором, уже после распада Союза, количество означенных специалистов в Анголе, да и в прочих африканских странах, резко сократилось. Однако мама и сын Моргулисы остались. Марина проработала переводчицей при посольстве до девяносто восьмого года, благополучно избегнув всевозможных потрясений, происходивших в России в годы реформ. Вторично замуж Марина так и не вышла...

В конце девяносто восьмого Моргулисы вернулись – однако не в Красноярск, откуда Марина была родом, и не в Петербург, где она провела пять студенческих лет, – но отчего-то в Смоленск. Как ни удивительно, тридцатичетырехлетняя женщина, уехавшая десять лет тому назад совсем из другой страны, легко сумела найти себе нишу в рыночной экономике. Нишу, надо сказать, более чем комфортную... Устроилась на работу не переводчиком и даже не секретарем-референтом: возглавила отдел внешних сношений достаточно крупного регионального банка, затем дослужилась в том же банке до поста вице-президента, через несколько лет перебралась в Москву, успешно продолжая делать карьеру банковского менеджера высшего звена...

А Станислав жил типичной жизнью новорусской золотой молодежи: элитная школа, затем два курса финансово-экономического университета, затем продолжение обучения в Англии, общение исключительно с детьми людей своего круга... Результат: два диплома о высшем образовании, российский и кембриджский, и к двадцати семи годам пост одного из заместителей начальника службы безопасности финансово-промышленной группы, в совет директоров которой входила Марина Моргулис. Эта же группа незадолго до Большой Зачистки приобрела КРТ – ничем тогда не примечательный, средней руки, телеканал...

Достаточно стандартная биография – если, конечно, оставить за кадром непонятную стремительную карьеру матери. Но вот после Большой Зачистки и подписания конкордата со Станиславом Моргулисом начались форменные чудеса. Он не просто вышел сухим из воды, но и умудрился сохранить свой пост: звание лейтенанта интендантской службы, имевшееся у Моргулиса после военной кафедры университета, чудесным образом трансформировалось в чин лейтенанта ФСР, и тут же – еще одна звездочка на погоны...

Смерть матери, скончавшейся на шестьдесят втором году жизни, ничем не помешала служебному росту сына – через пару лет, когда в раскрутку КРТ было решено вложить очень большие деньги, во главе «безпеки» телеканала оказался майор ФСР Станислав Моргулис. Формально буква соглашения между государством и крупным бизнесом была соблюдена. Фактически – Станислав ни дня не провел на федеральной службе.

Хватало в досье и подробностей о нынешней жизни теперь уже полковника Федеральной Службы Расследований: семейное положение (жена и две дочери), увлечения (дайвинг, пулевая стрельба, восточные единоборства), недвижимость и прочее личное имущество (пентхауз в Москве, два загородных дома, несколько престижных иномарок и пара «воздушных блох»)...

Стрельцов изучил досье очень внимательно, до последнего документа. По одной простой причине: больше всего возможностей организовать покушения на борту «Немезиды-17» имел как раз полковник Моргулис. Можно даже сказать, что, не надеясь на случайность, на авось, упомянутые возможности имел лишь он. Но увы – никакого намека на мотивы для таких действий в досье не обнаружилось...

Глава четвертая. Кое-что из жизни пилотов-асов

*В небе голубом и чистом
Мой «Фантом» легко и быстро,
С ревом набирает высоту.
Дворовая песня*

Окрестности Санкт-Петербурга, 15 июня 2028 года, 09:07

Четыре «Кадета» заняли свои места на пилоне. Пришло время разобраться с мужчинами, помогавшими мне управиться с ракетами...

Приехали они – люди, не ракеты – в «точку-бис» в количестве трех человек, что само по себе настораживало. Не такая уж неподъемная штука «Кадет», двоим не страдающим дистрофией гражданам установить ее вполне по силам. Допустим, третий в это время присматривает за окрестностями и прослушивает эфир – короче говоря, обеспечивает безопасность.

Но зачем тогда здесь присутствовал еще один тип, никак не участвовавший в нашей возне с ракетами, – плечистый мордоворот с нездоровой шелушащейся кожей лица? Чем больше посвященных людей, тем больше потенциальных источников утечки информации, – азы профессии, а уж в недостатке профессионализма Пашу Пастушенко не попрекнуть...

А еще мне не понравился пиджак мордоворота. Точнее сказать, правая пола его расстегнутого пиджака. Еще точнее – то, что она болталась с чуть большей амплитудой, чем левая. И отвисала чуть-чуть ниже... В правом боковом кармане шелушащегося господина таилось нечто компактное, но увесистое. Конечно, там мог лежать абсолютно безобидный предмет. Плоская банка с тушенкой, например. Что может быть естественнее? – может, нападают на человека приступы нежданного голода, вот и носит с собой запасец на черный день...

Но мне отчего-то казалось, что в кармане лежит пистолет.

А почему, собственно, в кармане? Не только профессионал – любой дилетант, видевший в жизни хоть пару стереобоевиков, уж как-нибудь сообразит положить пушку в подплечную или поясную кобуру... Однако если противником окажется тоже профи – вполне может успеть отреагировать на попытку выхватить из кобуры оружие. Реакции на некоторые действия вбивают в профессионалов на рефлекторном уровне.

В боковой же карман можно опустить руку невинным, вполне замотивированным движением. И немедленно выстрелить, не пожалев ткань пиджака. Даже профессионал ничего не успеет сделать... А тот факт, что в кармане спрятано что-то тяжелое, заметить не так-то легко. И я бы не заметил, если бы специально не высматривал нечто подобное – мне сразу показалась подозрительной красная и шелушащаяся физиономия мордоворота. Как раз такая кожа бывает сразу после пластических операций, проведенных клон-аппликационным методом.

Тоже не криминал – ну не нравилось мужику собственное лицо, решил походить пару-тройку недель с подправленным, прежде чем решиться на постоянную коррекцию. Но я сегодня как пуганая ворона: шарахаюсь от всего непонятного и подозрительного... Это не мания преследования – лишь заурядное желание потоптать еще сколько-то лет грешную землю.

А непонятно тут всё... Или почти всё. Зачем стрелять в человека, которому еще только предстоит исполнить порученное – проще говоря, в меня? Ладно, допустим, что намерения у Пастушенко кардинально изменились: один из этой троицы – запасной пилот, кото-

рому очень скоро, после выстрела шелушащегося, предстоит стать основным. Маловероятно, подробности своего плана прорыва сквозь воздушную оборону «Хеопса» я Паше не раскрывал. Но допустим. Тогда зачем блиц-операцией менять лицо киллера-ликвидатора?

Будь у меня побольше времени, я наверняка бы придумал правдоподобную версию, мотивирующую все эти непонятности. Даже две, три, десять версий... Времени, увы, не было.

Меж тем предполагаемый киллер, легок на помине, напомнил о себе:

– Время минус-три. Поторапливайся.

Первые его слова, услышанные мною... Вслушивался я очень внимательно: вдруг мне уже когда-то случалось встречаться с мордоворотом? Тогда причины клок-аппликации более-менее ясны...

Но нет, совершенно незнакомый голос. Акающий московский акцент: «патарапливайся», легкая гнусавинка... Беседовать с шелушащимся мне не доводилось... Может, видел его на портрете, приложенном к какой-либо старой ориентировке?

Я вынул из кармана пачку сигарет – настоящих, контрабандных. Сказал тоном, исключая дискуссию:

– Успею. Пару затяжек надо сделать – ритуал, на удачу.

Губы мордворота скривились, но он промолчал. Потянулся к карману... К ЛЕВОМУ боковому карману пиджака. Вынул платок, отер лоб. Я поднес зажигалку к кончику сигареты, хорошо понимая: если в меня будут стрелять, то именно сейчас. Позже, в кабине «Пустельги», рискованно – можно зацепить невзначай пулей какой-нибудь из приборов...

Рука с платком поползла обратно к карману. Но уже к другому, к ПРАВОМУ...

Щелк! – издала негромкий звук моя зажигалка.

Шелушащийся дернулся, рука потянулась ко лбу – именно туда угодил крохотный прозрачный шарик. Движение осталось незавершенным, плечистая фигура медленно осела на асфальт... Я видел это лишь боковым, периферийным зрением – щелк! щелк! щелк! – зажигалка выплюнула три последних шарика в коллегу мордворота.

Тот стоял метрах в двух от меня – расстояние, почти предельное для стрельбы из этой шпионской игрушки. Но один из мини-снарядов угодил-таки в неприкрытый участок кожи, и у меня остался последний противник.

Этот вообще никаких хлопот не доставил. Похоже, он и в самом деле был всего лишь техником, ответственным за установку и предполетную проверку «Кадетов»... Застыл соляным столбом, глядя, как падают подельники... Я отключил его обездвиживающим ударом – осторожным, почти даже ласковым.

Сигарета осталась незажженной – на самом-то деле я не курю. Паша Пастушенко об этом знал, но не позаботился сообщить своим клеветам.

Пастушенко. История вопроса

Соединенные Штаты от внутренней войны, говорил Пастушенко, может спасти лишь победоносная война внешняя. Не какая-нибудь локальная войнушка – по сути, полицейская операция, – как на Мальте или в Бурунди. Большая, настоящая война, сравнимая по масштабам со Второй мировой. Либо более чем серьезная угроза такой войны, чтобы люди искренне верили в ее начало и хорошо понимали: завтра на них могут посыпаться ракеты, и закручивание гаек – куда как потуже, чем во времена Маккарти – меньшее зло. А теперь задумайся, сказал Паша, против кого в современном мире такая война возможна?

Я задумался. Но не о грядущей мировой войне. О другом: почему из полутора десятков «миротворческих операций» последних лет Пастушенко помянул именно Мальту? Случайность? Или демонстрация: дескать, я знаком и с твоим ИСТИННЫМ послужным списком?

Поскольку к мальтийским делам мне довелось иметь кое-какое отношение... Достаточно косвенное: работал над одним из узлов операции прикрытия, не позволяющей вычислить страну, де-факто поставлявшую оружие арабской диаспоре. Операция прошла успешно (благо заводов, производящих лицензионные «Печенег» и «Никоновы», по миру разбросано предостаточно), – но никак в моем послужном списке не отражалась. Официально я тогда занимался совсем в другом месте совсем другими делами.

Вопрос о подозрительной Пашиной осведомленности так и остался непроявленным. Больше про Мальту он не вспоминал... Может, и в самом деле случайность.

Пастушенко продолжал давить: ну и кто, по-твоему, самый вероятный противник Штатов?

Юго-Восточный Альянс, ляпнул я без раздумий.

Ответ логичный, но неверный, покачал головой Паша. Причин и поводов для войны предостаточно, но с узкоглазой пятой колонной в тылу много с ЮВА не навоюешь. Так и будет тянуться: ноты, санкции, ультиматумы, эмбарго... Инициатором драки может выступить в конце концов лишь сам Альянс, а он к тому еще не готов. Нет, дружище, война затевается с нами, и ни с кем иным. Планы готовы, проработаны и отшлифованы. Найден и подходящий повод – уже догадался, какой? Правильно, «Хеопс».

Я, помнится, тогда ответил, что планы войны с Советским Союзом, а затем с Россией, подробно и обстоятельно прорабатывают в Пентагоне, начиная с сорок пятого года прошлого века. Планов навалом, а войны нет как нет. А поводов в веке нынешнем хватало с избытком. Раздел Малороссии, например. Или заварушка вокруг Шпицбергена.

Паша парировал: неудачные примеры. И тот, и другой конфликты имели место до нефтяного облома, к тому же как раз тогда Америка по уши увязла в Венесуэле и в собственных алабамских проблемах. А сейчас времена другие... И планы войны не лежат на полках сейфов – активно приводятся в действие. Информационная стадия уже реализуется, шумиха вокруг «Хеопса» началась и будет раскручиваться все активнее... Главная задача США на данном этапе – склонить на свою сторону мировое общественное мнение, обеспечить по меньшей мере благожелательный нейтралитет Европы, азиатов и нейтралов. А если мы сейчас сыграем в поддавки, выйдем козырь из рук противника – попросту говоря, сами разрушим «Хеопс» – сверстать новые планы наши заклятые заокеанские друзья не успеют...

Может быть, Пастушенко и лгал... Но весьма правдоподобно. Слово «Хеопс» все чаще мелькало в новостных лентах, причем отнюдь не в древнеегипетском контексте...

«Мы» – это кто? – поинтересовался я главным.

Патриоты России, сказал как припечатал Паша.

Так именуется ваша организация? – уточнил я с невинным видом.

А зачем тебе знать, как именуют себя люди, которые заплатят очень неплохие деньги? – ответил Паша вопросом на вопрос. И тут же увеличил ставку еще на двадцать процентов. Альтернатива же, дескать, проста: для операции «Фараон» придется искать другого разработчика и исполнителя, а я отправлюсь на пожизненное заключение. За подпольную торговлю биогранатами – оружием, запрещенным и российскими законами, и международными конвенциями. И в первой же передаче, полученной мною с воли, будет лежать чип с очень занимательным стерео в жанре садопорнотриллера. Название: «Предсмертные часы Женьки». Так что выбирай сам, дружище Влад.

Ну что тут было выбирать? Яснее ясного, что в случае успеха операции Пастушенко расплатится со мной пулей в затылок... Не из жадности – во избежание.

Осознав сей факт, я согласился. Пожизненное заключение – очень долго и скучно. Да и Женьку, хоть мы и расстались два месяца назад, жалко...

Окрестности Санкт-Петербурга, 15 июня 2028 года, 09:17

Ай-ай-ай... нехорошо получилось. Зачем сразу думать о людях дурное? В кармане шелушащегося красномордого господина лежал вовсе даже не пистолет, готовый продырявить и ткань пиджака, и мою шкуру. Пистолет, короткоствольный безгильзовый «Глок», находился в подплечной кобуре, а второй – крохотный изящный «найт-бэби» – в кобуре, укрепленной на лодыжке.

В кармане же имел место импульсный парализатор – расчехленный и готовый к применению. Причем кнопка переключения режимов стояла в положении «S». Вот оно что... Убивать исполнителя перед самой акцией никто не собирался. И даже превращать меня в безвольную куклу, в пускающий слюни манекен, – в планы Пастушенко не входило.

Предстояла всего лишь предполетная накачка, небольшой такой сеанс суггестии – дабы я делал свое дело, никак не пытаюсь избежать подготовленных Пашей сюрпризов... Где он раздобыл мою альфа-карту (без нее парализатор на зомбирование конкретного человека не настроить) – вопрос интересный, но несвоевременный. Однако на досуге надо будет им непременно заняться. Потому что это очень неплохой след, ведущий к таинственным «патриотам России»...

Ладно, пора завершать подготовку. Аварийный дельтолет, поколебавшись, я выбросил из кабины. После воздушной атаки «Хеопса» небо будет кишеть эйркиллерами – и болтающийся на парашюте либо параплане человек станет лакомой добычей для беспилотных аппаратов. Посему в качестве спасательного средства при нештатной ситуации было решено использовать дельтолет, способный в крутом пике уйти к земле и погасить скорость у самой поверхности. Но увы, работоспособность дельтолета (и отсутствие в нем новых сюрпризов от мистера Пастушенко) не проверить, не активизировав его. А вновь сложить этот гибрид зонтика и дельтаплана – процесс весьма кропотливый и трудоемкий. Так что уж постараемся обойтись без нештатных ситуаций.

Ну вот и всё... Пора.

Я коснулся кнопки стартера.

...Экран бортового компьютера кишел разноцветными отметками – и большую их часть оставляли аппараты, весьма напоминающие мою «Пустельгу». Похожую картину, естественно, наблюдали на своих радарх диспетчеры аэропорта «Пулково». Равно как и «покойники» – офицеры, дежурившие сейчас в «Хеопсе» на ПОКО (пульте оперативного контроля обстановки). Картина и для тех, и для других вполне привычная.

Такой уж час выбран для операции – люди, чье время весьма дорого стоит, как раз отправляются на службу... Естественно, летят их «блохи» не хаотично, но по отведенным воздушным коридорам. И мой полет, никоим образом в данные коридоры не укладывающийся, достаточно быстро привлечет внимание... Однако же пока не привлек.

...Шум двигателя изменил тональность, почти смолк, – я знал, что сейчас крылья-лопасти над крышей кабины сложились в несущую плоскость и зафиксировались. Как всегда и бывает в подобные моменты, «Пустельга» провалилась, потеряла полтора десятка метров набранной высоты. Короткий миг невесомости, наполненный привычной тревогой: а ну как не включится турбина? Не беда, если взлетать строго по инструкции: всегда можно успеть вернуться в вертолетный режим взлета/посадки, – но сегодня-то я перешел в горизонтальный полет на высоте, вчетверо меньшей, чем минимально допустимая...

Обошлось.

Турбина заработала нормально. «Пустельга» устремилась на запад, едва не касаясь шасси огромных зонтиков-соцветий борщевика. «Хеопс» не был виден, но я знал: стоит под-

няться на сотню-другую метров, и его громадина предстанет во всей своей железобетонной красе.

Окрестности Санкт-Петербурга, 15 июня 2028 года, чуть позже

А вот теперь меня заметили... На пульте замигал красный светодиод, в наушниках запищал сигнал вызова на единой аварийной частоте. Затем послышался голос, предлагавший назвать позывные и изменить курс. Я не стал вслушиваться в называемые диспетчером цифры, но пропел ему задушевным голосом:

– У церкви стояла каре-е-е-та, невеста вся в белом была-а-а-а...

Мог бы сказать или пропеть что-нибудь другое, все равно искажающая приставка превратит любые мои слова в неразборчивое, забиваемое помехами кваканье.

«Пустельга» медленно набирала высоту – двести метров, двести пятьдесят, триста... И летела отнюдь не с предельной скоростью. Сохраняя прежний курс, моя «блоха» должна пройти километрах в трех от «Хеопса».

Серая махина видна как на ладони – огромная пирамида, размерами превышающая одноименную египетскую. Только вот форма сооружения несколько подкачала, не совсем соответствует историческому аналогу: верхняя часть срезана, так что получилась плоская площадка, издалека кажущаяся небольшой, на деле – с десятков футбольных полей размером.

На фоне этой громадины «Пустельга» и вправду как блоха. Блоха, собравшаяся укусить слона, или мастодонта, или диплодока... Укусить отравленным жалом.

Дотошный диспетчер повторил свое требование, причем тревоги в голосе добавилось. В ответ я уладил его слух новой музыкальной цитатой:

– Мой косте-е-е-р в тума-а-а-а-не све-е-етит, искры гаснут на-а ветру-у-у-у... – И отключился от единой аварийной частоты.

Да, «покойникам» сейчас не позавидуешь. Вообще-то ломать голову они в настоящий момент не должны, а должны действовать строго по инструкции: объявлять общую тревогу, поднимать эскадрильи эйрkillеров, приводить в боевую готовность батареи ПСУРСов и зенитных автоматов, составляющих ближнюю ПВО «Хеопса».

А внешняя ПВО – способная засечь и уничтожить враждебный летательный аппарат за сотни километров – сейчас не при делах. Бесполезны все станции дальнего обнаружения, и все эскадрильи перехватчиков, и все зенитно-ракетные комплексы среднего и дальнего радиуса действия. Поскольку взлетел-то я внутри внешнего кольца противовоздушной обороны. И это не ошибка людей, разрабатывавших защиту «Хеопса» с воздуха, – поскольку вражеский бомбардировщик, штурмовик либо истребитель никак не может возникнуть из ниоткуда под самым носом. И взлететь с заросшего борщевиком поля не может... А «блоха», или авиетка, или легкий вертолетик... – ах, оставьте, да кто же из солидных людей будет всерьез рассматривать опасность со стороны такой воздушной мелюзги... После сегодняшнего дня мнение солидных людей кардинально изменится, очень надеюсь.

Ну, тревогу-то «покойнички» наверняка уже объявили, это понятно. Но вот остальное... Автоматика эйрkillеров – вещь далеко не стопроцентно надежная. Бывало, что эти «пулеметы с крылышками» высаживали весь боезапас по стае пролетающих гусей... Случались инциденты и похуже, причем случались именно на «Хеопсе». А у «покойников» нет никакой гарантии, что в «Пустельге»-нарушительнице не сидит какая-нибудь важная шишка, решившая показать новой пассии с воздуха вид на окрестности. И кто окажется крайним, если ту шишку собьют с елки, действуя строго по инструкции? Правильно, отнюдь не тот, кто инструкции сочинял. Виноват всегда стрелочник...

Короче говоря, некую фору я рассчитывал получить именно благодаря человеческому фактору. Рассчитывал – и получил, тем более что «Пустельга» летела по касательной к запретной для полетов зоне, по видимости направляясь мимо секретного объекта.

Но чтобы выйти на дистанцию уверенного поражения «Кадетами», придется сбросить маски. И бесшабашно сунуть голову прямо в пасть льву, вернее – местной системе ПВО. (Не знаю уж, есть ли у систем ПВО пасти, но без головы остаться и в самом деле недолго...)

И я сунул-таки... Голову. В пасть. Точно в расчетной точке изменил курс на девяносто градусов.

Через несколько секунд у «покойников» началась паника, я был в том уверен. Еще бы – «блоха» напрочь исчезла с экранов!

Дело в том, что стопроцентное сканирование воздушного пространства радарами «Хеопса» невозможно. Имеется крохотная – всего-то полтора градуса – мертвая зона, вызванная складками местности. Проблема с технической точки зрения яйца выеденного не стоит – достаточно вынести одну из периферийных РЛС на три километра вперед и установить на небольшом холме. Но беда в том, что на упомянутом холме красуется живописная группа стилизованных под старину строений, принадлежащая... Короче говоря, РЛС стоят, где стояли, а мало кому известная прореха в невидимой воздушной сети, накрывающей «Хеопс», зияет уже несколько лет... В ту прореху и нырнула моя «Пустельга».

Через десять секунд никем не наблюдаемого полета я пожалел «покойников» и нажал кнопку на пульте. Под брюхом «блохи» раздался негромкий хлопок, в сторону потянулся инверсионный след... Сейчас «покойники» должны облегченно вздохнуть: потерянный было из виду нарушитель вновь появился на экране! ЭОП¹ углового отражателя, установленного на отстреленном планере, давала отметку, точь-в-точь соответствующую «Пустельге».

Дешевый фокус, и никого надолго не обманет, да это и не нужно... «Пустельга», естественно, не способна потягаться в скорости с истребителями – разве что с этажерками времен Первой мировой. Но даже «блоха» преодолеет три километра до «Хеопса» меньше чем за минуту. Конечно, я мог уже начать атаку, и даже раньше, еще с более безопасной дистанции. Однако, чтобы убить слона дробинкой, желательно приставить ему дробовик к уху или глазу... Чем я, собственно, сейчас и занимался.

Наклонная поверхность «Хеопса» стремительно приближалась. Теперь можно было хорошо разглядеть вспомогательные здания, приткнувшиеся к громадной пирамиде – сами по себе не маленькие, на фоне заслонившей горизонт махины они выглядели кукольными домиками. Техника – грузовики, легковушки, парочка бэтээров – вообще смотрелась чем-то микроскопическим, про людей и говорить нечего...

Но я не присматривался к тому, что творилось внизу, когда потянулся к кнопке пуска «Кадетов». За четыре года насмотрелся вдоволь, – вблизи и во всех ракурсах. Самый ответственный момент операции. Казалось бы, по такой цели можно палить с закрытыми глазами, не промахнешься. Однако попасть – мало, нужно попасть исключительно точно. Иначе дыру в наклонке залатают очень быстро, и даже во время ремонта «Хеопс» продолжит функционировать...

Первой ракете надлежало вскрыть наружную обшивку на уровне двадцать второго яруса, не выше и не ниже, причем обязательно с ориентированной на восток стороны, – лишь тогда остальным «Кадетам» откроется путь к самому сердцу «Хеопса», к вычислительному комплексу.

¹ ЭОП – используемый в радиолокации термин, эквивалентная отражающая поверхность. Обычно несколько меньше физической площади поверхности воздушной цели. Но иногда, например, у постановщиков пассивных помех (угловых отражателей) ЭОП превышает реальные размеры в десятки раз

Пуск! «Блоха» взбрыкнула, словно норовистый конь, – все-таки она проектировалась отнюдь не как воздушный ракетноносец...

Прежде чем потянуть ручку штурвала на себя, я быстро взглянул вниз – вот-вот должны были вступить в дело зенитные скорострелки и переносные ЗРК. Взглянул, и...

И понял, что зря на подлете не присматривался к стоявшей у подножия «Хеопса» технике. Потому что там виднелись приземистые вездеходы очень характерного вида, и венчавшие их здоровенные четырехугольные трубы уже были приведены в боевое положение...

Зенитно-ракетный комплекс «С-600» – самый совершенный на сегодняшний день убийца воздушных целей. Откуда он тут взялся? Да, за полгода моего отсутствия кое-что изменилось, и не в лучшую сторону.

«Вот тебе, бабушка, и Юрьев день...» – только и успел ошарашенно подумать я, прежде чем «шестисотка» выдала залп по «Пустельге».

Глава пятая. Телеметрический детектив

Всё не так плохо, всё гораздо хуже...
Народная мудрость

Моргулис. Опыт личного общения

Личная встреча оказалась несколько более содержательна, чем изучение досье Моргулиса С. С. Но всего лишь несколько...

Сегодня утром – после завершения сорокаминутной аудиенции у ГП – напарники отправились в кабинет полковника Моргулиса. Как бы полковника – ни Лось, ни Стрельцов просто не могли считать начальника здешней охраны коллегой, да еще старшим по званию.

Вообще-то Стрельцов перед визитом на КРТ подозревал, что побеседовать доведется лишь с Моргулисом: всем известно, что рабочий день таких крупных фигур телевизионной тусовки, как ГП и Жорж Измайлов, начинается после обеда, – а восемь утра для них не просто раннее утро, но глубокая ночь... Однако встреча состоялась-таки. Если учесть, что после убийства Чистовой-Кузякиной к тому времени прошло семьдесят с лишним часов, можно сделать вывод: ГП поднялся в непредставимую для себя рань и безжалостно поднял лучшего своего шоумена с единственной целью – продемонстрировать ФСР, как он, генеральный продюсер, озабочен успехом расследования...

Но общение с Моргулисом заставило усомниться в истинности помянутого вывода. Казалось, ТВ-полковник абсолютно не заинтересован в раскрытии дела. Ничем, упаси господи, не собирается препятствовать, – но не заинтересован. Любая информация? – пожалуйста! Очень скоро во смарт-чипы Стрельцова и Лося оказались загружены кучи, груды, прямо-таки терриконы информации – все записи, сделанные всеми бортовыми камерами «Немезиды», стационарными и переносными, полные досье всех участников шоу, подробнейшие отчеты о мерах безопасности, принимаемых в ходе предполетной подготовки... И прочее, и прочее, и прочее...

Станислав Моргулис – высокий голубоглазый блондин – сидел за своим столом и, казалось, с трудом сдерживал ехидную усмешку: ну и что, коллеги, вы со всем этим будете делать? Прекрасно понимал, что даже штат аналитиков, трудолюбиво пялящихся на экраны, делу не поможет: заметить какую-то зацепку, нестыковку в разговорах и действиях участников космического шоу может лишь человек, самолично просмотревший все бесконечные записи. Может – но едва ли заметит, тут работы на пару месяцев непрерывного просмотра, и под конец все в голове смешается в такую кашу, что станет не до анализа... Сам господин полковник за весь разговор не выдвинул ни единой версии о причинах и виновниках покушений на борту ДОС.

– Есть какие-нибудь вопросы, коллеги? – поинтересовался Моргулис, когда закончилась перекачка объемистых файлов с информацией. И наконец позволил себе улыбнуться – чуть-чуть, самыми кончиками губ.

Лось, до сих пор принимавший в беседе минимальное участие, задал вопрос, несколько неожиданный для Стрельцова:

– Рекламные ролики с участием Чистовой снимались на «Немезиде»?

– Нет, конечно же, – ответил Моргулис, не задумываясь. – Вся реклама сделана заранее, на Земле. Создание подобных клипов – ответственное и дорогостоящее дело, ни дилетантам, ни автоматике не справиться.

– Но ведь она принимала душ действительно в невесомости? – гнул свою линию Лось.

Моргулис на мгновение замялся.

– Тонкости съемочного процесса не входят в мою компетенцию. Возможно, клипмейкеры и Настя отправлялись на орбиталку... Или душевую кабину для клипа смонтировали в самолете-имитаторе невесомости. Не знаю подробностей... Мне уточнить для вас этот момент?

– Не сто́ит... – помотал головой Лось. – Больше вопросов не имею.

Стрельцов оказался более любознателен.

– Мы можем провести допросы участников шоу? – спросил он. – Не по возвращении – сейчас, при помощи дальней связи?

Спросил и сам мысленно поморщился: телеметрический детектив получается... Следователи лицезреют место преступления и жертву на стерео, допрашивают подозреваемых при помощи радиосвязи, – а потом, собрав улики и доказательства, седлают «шаттл» и пускаются в погоню за убийцей... Космическая оперетка какая-то.

Моргулис помолчал, барабанил по столу кончиками пальцев. Интересно, это он заразился такой манерой от ГП, – или наоборот?

Наконец господин полковник сформулировал вежливый отказ:

– К сожалению, здесь встают проблемы технического плана... Как вы знаете, «Немезида» движется по весьма вытянутой орбите, весьма отличающейся от орбит большинства спутников, – примерно так же вращаются кометы вокруг Солнца. Расстояние увеличивается с каждым днем, и наши антенны в Ново-Останкино уже не способны обеспечить стабильную связь... Два дня назад мы перешли на арендованную государственную аппаратуру – ЦДС «Хеопс» под Петербургом. Цены на аренду там... хм... прямо скажем, космические. Мы едва успеваем передавать записи бортовых съемок в сжатом, пакетном режиме. Едва ли совет директоров пойдет на аренду дополнительного аппаратного времени – как раз сейчас, когда шоу «Наши звезды» потребовало больших незапланированных вложений. Неустойки компаниям-рекламодателям очень велики...

Он вновь улыбнулся, на сей раз сочувственно: дескать, рад бы, но...

– То есть два дня назад начались затруднения со связью – и в тот же день была застрелена Чистова-Кузякина? – уточнил Стрельцов.

– Именно так, – подтвердил Моргулис. И вновь предпочел оставить без каких-либо комментариев это совпадение. Или не совпадение...

– Если ФСР договорится с командованием «Хеопса» о дополнительном времени... – медленно начал Стрельцов.

Моргулис закончил фразу:

– ...тогда, разумеется, никаких препятствий со стороны КРТ не возникнет. Допрашивайте на здоровье. Но советую поторопиться с решением этого вопроса: до следующего голосования всего лишь девять дней, вероятны новые эксцессы...

– Опять кто-то выбывает? – удивился Стрельцов. – Что-то больно часто...

– Нет, на этот раз определяется не аутсайдер, – лидер зрительских симпатий. Тот, кто получит иммунитет от выбывания на пять последующих туров. Ну и неплохую сумму на счет, разумеется. Однако если с этим лидером произойдет что-то незапланированное – нам будет нелегко объяснить зрителям, отчего он вдруг выбыл из игры.

Стрельцов подумал, что наверняка лидер уже определен заранее, и едва ли это будущая победительница – никто не будет раскрывать карты заранее, и в финальной части зрителей ждет запутанная интрига с непредсказуемым исходом... Затем он задал еще несколько вопросов технического плана, в основном касающихся того, как и кем доставлялись на «Немезиду» запасы, необходимые для полуторогодичного полета. Напоследок спросил:

– Еще хотелось бы узнать об истинной судьбе выбывших участников...

Моргулис удивленно приподнял брови.

– Как раз здесь никаких секретов нет... Все происходит именно так, как продекларировано. Проигравший выбывает – из игры и из жизни. Совершает добровольный суицид согласно «Закону об эвтаназии».

Стрельцову отчего-то показалось, что Моргулис солгал, отвечая на последний вопрос.

Подмосковье, неизвестно чьё частное владение, 15 июня 2028 года, 09:57

– Моргулис – не прибалтийская фамилия, – сказал Лось полуутвердительно.

– Не прибалтийская, – согласился Стрельцов. – Скорее такую фамилию мог бы носить еврей... Причем не из-за черты оседлости – но откуда-нибудь из Бессарабии или Румынии.

– Мамаша его, судя по фото, тоже далеко не нордического типа... Тогда вопрос: в кого же он уродился этакой белокурой бестией? Может, «папик» и в самом деле его папаша?

После изучения досье напарники, не сговариваясь, пришли к выводу: крутой карьерный взлет мадам Моргулис (а впоследствии и Моргулиса-младшего) объясняется многолетней протекцией со стороны «папика» – любовника, предпочитавшего не афишировать эту связь... Причем, по всему судя, «папик» весьма плодотворно трудился в КГБ, а затем подался на вольные хлеба в частный бизнес – сохранив при этом старые связи.

– Тогда любопытный расклад может получиться, – сказал Стрельцов. – Если Марина и в самом деле ждала ребенка не от мужа, а от «папика», а тот имел достаточно власти и влияния – мог ведь и подставить Сергея Моргулиса, получив информацию о готовящейся акции УНИТА...

Впрочем, все эти логические построения давно уже не актуальны. Если «папик» сейчас еще жив, наверняка не при делах. Ведь сорок лет назад он служил в Анголе явно не юным лейтенантом... Скорее всего, был в чинах, и семьей отягощен, – иначе не стал бы столько лет конспирировать связь с любимой женщиной. Ну и возраст соответствующий...

И все-таки Стрельцов сказал:

– Составлю запрос в архив. Пусть посмотрят, кто из наших сидел в Анголе десять лет, а потом работал в Смоленске...

– Хочешь при нужде вытряхнуть скелет из шкафа? – мгновенно понял задумку напарника Лось. – Воздействовать на Моргулиса семейными тайнами?

Судя по тону, он весьма сомневался в эффективности такого воздействия.

Стрельцов пожал плечами. Подстелить соломки никогда не помешает.

Лось добавил:

– Знаешь, как зовут Моргулиса на КРТ между своими? По инициалам: Эс-Эс. А подчиненных, соответственно, эсэсовцами.

– Не иначе как за особо гуманные методы работы, – предположил Стрельцов.

На этой оптимистичной ноте они завершили разговор о загадочном прошлом полковника Станислава Моргулиса – перешли к делам дня сегодняшнего, к плану ближайших действий...

– Это называется «толочь воду в ступе», – полчаса спустя подвел Стрельцов итог обмену мнениями. – Потому что Барсук не утвердит план оперативных мероприятий без открытия дела. А как нам его открыть? Кто нам его откроет? Какая прокуратура? Если «терпила» болтается с вышибленными мозгами черт знает где, в экстерриториальной невесомости... Нет, Леша, все так и задумано: вроде и декор соблюден, тивишники в ФСР обратились честь по чести. Но сделать нам ничего не дадут. НИ-ЧЕ-ГО. А крайними окажемся мы с тобой. Именно мы – две проштрафившиеся пешки, которыми и пожертвовать не жалко...

Лось молчал, а по его мимике Стрельцов давненько уже не пытался угадать реакцию напарника.

Затем они поднялись с травянистого пригорка и направились к машине, опять-таки молча. День предстоял нелегкий.

Стрельцов вдруг остановился, и лицо у него стало нехорошим. Что-то не то... Что-то не так стало в окружающем мире – наблюдаемая картинка на миг подернулась мутной зыбкостью, и чуть иначе запел птичий хор, и чуть по-другому зазвучали бесшабашные трели кузнечиков... Миг прошел, и всё стало по-прежнему, но Стрельцов уже догадался...

– С-с-суки... – прохрипел он, и ломанулся в кусты – в те самые, из которых появился охранник-мордоворот.

Лось протиснулся туда минутой позже. И увидел, как Стрельцов с остервенением пинает корпус большого стационарного голопроектора. Неподалеку стояла другая аппаратура – синтезаторы звуков и запахов.

– Пойдем, Андрюша, – потянул Лось напарника за рукав. Тот прошипел что-то неразборчивое, но явно злобное.

Тот же самый пейзаж с этой точки наблюдения разительно отличался от того, который они видели со своего пригорка: ни луга, ни рощицы, ни змеящейся вдали реки... На краю бескрайнего, заросшего борщевиком поля громоздились какие-то разломанные металлопластиковые конструкции, вдали тянулись к небу башни Реутовской БЭЦ, окутанные дымкой испарений...

Несколько шагов назад – и вновь перед глазами встала буколическая картинка, ничем не отличающаяся от реальности. Удары ногами ничего не нарушили, техника здесь стояла вполне вандалоустойчивая... Можно было пройти в разные стороны и проверить, насколько велики размеры *настоящего* лесочка. Но Стрельцов не захотел. Внутри было пусто и мерзко. Подойдя к машине, вспомнил, повернулся к Лосю:

– Выпусти этого, – кивнул на багажник. – Какая там к черту подстава, проекторы да синтезаторы сторожит...

Выруливая на трассу, он вспомнил давний рассказ бабушки Даши. О том, как ее шокировало – в достаточно пожилом уже возрасте, – известие, что киноактер Жан Маре, красавец-мужчина и кумир ее юных лет, на деле был гомиком. Причем не просто гомиком, а президентом Европейской лиги гомосексуалистов. «Как в душу насрали, – сказала тогда бабушка, не стеснявшаяся сильных выражений. – Девчонкой была, лет так в четырнадцать, – снилось ведь порой, что он мой *первый*... Тьфу!»

– Как закончим эту бодягу, – сказал Лось, глядя куда-то вдаль, – пиши-ка, Андрюха, рапорт, – и к нам, в Туркестан. Там хоть всё настоящее... Правда, головы тоже не понарошку отрезают...

Москва, Малая Лубянка, штаб-квартира ФСР, 15 июня 2028 года, 09:57

Опасения Стрельцова не оправдались. На службе его уже ждало постановление о возбуждении литерного дела. Заверил его своей подписью не кто-нибудь – сам глава Управления ФСР на транспорте, генерал-лейтенант Кирпичников. В общем-то логично: транспортом при желании можно назвать любой предмет, доставляющий грузы либо пассажиров из одной точки пространства в другую: хоть ядро барона Мюнхгаузена, хоть планету Земля, рассекающую мировое пространство. И уж тем более дальнюю орбитальную станцию «Немезида-17».

План оперативных мероприятий Стрельцов и Лось вчерне составили еще по дороге – в четыре руки на своих ноутбуках, передоверив управление автопилоту. Через час, внеся правки и коррективы, распечатали и понесли начальству на подпись.

Барсук (в миру известный как генерал-майор Юрий Владленович Барсев) долго изучал документ, беззвучно шевеля губами. Напарники терпеливо ждали. Стрельцов думал, что за минувшие пять лет – именно столько он провел вдалеке от столицы – Барсук совсем не изменился. Ни внешне, ни манерами... Все тот же толстый одышливый дядька, словно законсервировавшийся на шестидесяти с хвостиком.

Наконец начальник поднял голову, взглянул на подчиненных. Взъерошил характерным, тоже не изменившимся за годы жестом остатки шевелюры – седой венчик вокруг обширной лысины. Вздыхнул и достал из нагрудного кармана свой знаменитый на все Управление маркер. Сейчас начнет сокращать и урезать, понял Стрельцов.

– Думаете, совсем я старый стал? – спросил Барсук. – Думаете, ничего не понимаю? Зачем три бригады наружки просите? Думаете, сокращу до двух, а вам того и надо? О-хо-хо...

Он сделал пометку на одном пункте оперплана. Затем на втором, на третьем... Что-то исправлял, что-то дописывал. И лишь одну строку густо зачеркнул – всю, целиком, несколькими жирными линиями.

– Не будет вам договоренности с «Хеопсом». Ишь, взяли моду – за казенный счет через половину Галактики разговоры вести! Да вы представляете, во сколько ваши допросы выльются?

Похоже, в астрономии и прочих касающихся космоса науках генерал-майор был не силен. Но Стрельцов не стал поправлять начальника – дескать, расстояние до «Немезиды» несравнимо даже с половиной Солнечной системы, не говоря уж о Галактике. Начал осторожно:

– Но ведь без допросов... – и осекся, изумленный.

Нет, не показалось... Барсук вновь подмигнул напарникам с самым заговорщицким видом. Ну и что бы это значило?

– Насчет допросов на КРТ давите, не стесняйтесь, – сказал генерал-майор, как отрезал. – Они нагадили, им и подтирать. Ну, или...

Барсук не договорил, однако же последовало его третье подмигивание, – на тот случай, если подчиненные совсем уж отупели вдали от столичной жизни.

– Исправить, и мне на подпись, – закруглил разговор Барсук, возвращая документ. – Свободны.

Несмотря на ворчание, количество бригад наружного наблюдения сократилось не до одной – до двух, Стрельцов даже удивился... В коридоре он сказал напарнику:

– Это «жу-жу-жу» неспроста... с чего бы он так размигался?

Вопрос прозвучал риторически, и ответа Стрельцов не ждал, но Лось сказал с задумчивой неприязнью:

– Перед обменом Джумгаева-младшего мне точно так же подмигивали... чем кончилось, сам знаешь.

Сообразил, в чем дело, Стрельцов лишь в помещении, отведенном группе «Немезида» (пока что группа состояла из двух человек, но после утверждения оперплана должны были появиться прикомандированные сотрудники).

– Слу-у-у-у-шай, Леша... Я старый склеротик... На «Хеопсе» ведь Влад служит! Безпекой командует!

Лось тут же продемонстрировал, что и ему склероз не чужд:

– Какой Влад?

– Да Влад же! Владислав Дашкевич! Влад-Гюрза! Двадцать первый год, Кривой Рог, младоукры... Вспомнил?

– А-а-а... Так бы и сказал сразу: Гюрза... Еще бы не помнить.

Действительно, помнить стоило... Именно там, в свежепровозглашенной Донецко-Криворожской республике, в крохотном городке Желтые Воды, Лось лишился своего лица... А Гюрза (и Стрельцов тоже) был среди четверых, вытащивших его из пекла, не дав лишиться всего остального. Такое не позабудешь.

Стрельцов продолжал:

– Он всех там, в пирамиде, знает как облупленных, кого за какую ниточку дернуть... Думаю, сможет помочь. А ведь Барсук мог именно на такой вариант намекать: кому-то на Малой Лубянке очень не нравятся наши дела с КРТ, вот и ставит палки в колеса, но мы все равно допрашиваем всех ребятишек с «Немезиды», причем помимо Моргулиса! Бесплатно, на личных контактах.

– Угу... А потом Барсук при помощи нашей информации сводит счета с этим «кем-то». Если удачно – нам по конфетке. Если нет – в такую тундру нас загонят, что твой Баренцбург Парижем покажется...

Но Стрельцов уже загорелся. Подскочил к компьютеру.

– Брось. Дальше Кушки не сошлют, меньше взвода не дадут... – приговаривал он, настраивая под себя хандер. – Так, так... Что за чертовщина... А если так... Хм-м... Ну, засекретили... Что за код такой по форме эм-эйч-эр-двенадцать? Сталкивался когда-нибудь?

Лось покачал головой. И посоветовал:

– Не мучайся. Набирай номер, сейчас продиктую...

Стрельцов уставился недоуменно.

– Ты помнишь его ИКД??! Через семь лет?!

– Я и твой помню... С тех же времен. – И Лось начал размеренно диктовать цифры.

Соединяли отчего-то неимоверно долго – словно звонок шел не через коммутатор Федеральной службы расследований, дающий всем вызовам своих абонентов высший приоритет, а через какую-нибудь задрипанную сельскую АТС.

Наконец соединили...

– Привет, Гюрза! – сказал Стрельцов возникшему на экране человеку. Сказал запросто, словно виделись они по меньшей мере раз в неделю. – А ничего у тебя тачка, продвинутая. Поговорить сейчас можешь?

Глава шестая. На честном слове и на одном крыле

*Дай мне бомбу, я прыгну с бомбой и не промахнусь, вот увидишь!
Бомбу мне, бомбу! В огонь!
А. и Б. Стругацкие, «Обитаемый остров»*

Небо над «Хеопсом», 15 июня 2028 года, 09:42

Уж не знаю, на что рассчитывали ребята с «шестисотки», давая залп. Наверное, на то, что нервы у меня не выдержат, и я воспользуюсь парашютом...

Просчитались. Хотя вид восьми ракет, летящих, казалось, прямо в лицо, стоил мне энного количества сожженных нервных клеток. Но парашюта, равно как и прочих спасательных средств, в «Пустельге» все равно не было.

А чуть позже, когда ракеты с ревом пронеслись мимо, пришло понимание: сбить меня на такой дистанции могли лишь случайно – для радаров «шестисотки» я сейчас в мертвой зоне. Если пальнуть с завязанными глазами из винтовки вверх, рассчитывая подстрелить рассекающую небо ласточку, – вероятность попадания будет примерно та же...

И все-таки они едва не добились своего – правда, косвенным образом. Засмотревшись на ракеты, я чуть было не врезался в наклонку. Лихорадочно потянул штурвал на себя – нос «Пустельги» задирался круче, круче, круче... Уф-ф-ф, проскочил... Шасси буквально на полметра разминулось с парашютом, ограждавшим верхнюю площадку. Да я просто Чкалов! Стоявшие наверху люди бросились врассыпную, низко пригибаясь. Оружия ни у кого из них я не заметил – повезло, на таком расстоянии автоматная очередь куда опаснее ракеты.

Сделав разворот на малом радиусе, «Пустельга» пошла на второй заход.

Для переносных ЗРК типа «Игла» или «Стингер» я в настоящий момент весьма лакомая мишень. Но проблема в том, что заранее «Иглы» бойцам выдаются при приведении «Хеопса» в боевую готовность – а сейчас едва ли даже успели отпереть оружейный склад, где они хранятся...

В наклонке зияла огромная дыра с неровными, словно обкусанными краями. Чисто сработать не удалось: вместе с двадцать вторым уровнем «Кадет» вскрыл заодно и двадцать третий, виднелись покореженные плиты перекрытия. Не беда, сделаем поправку, прицелимся чуть ниже...

Первая пошла!

Вторая пошла!

Третья пошла!

Хватило бы и одного удачного попадания, но все три «Кадета» исчезли в дыре... Ай да я, ай да снайпер... Теперь остается самое главное – унести ноги. Потому что хороший снайпер не тот, кто сумел попасть, а тот, в кого при этом не попали ответно.

Зримое подтверждение этой моей мысли появилось тут же: слева – совсем рядом, метрах в трех – прошла трассирующая очередь. Эйрkillеры, будь они неладны...

«Пустельга» заложила крутой вираж.

Небо над «Хеопсом», 15 июня 2028 года, 09:44

Это называется – разворошить муравейник... Вернее, поскольку дело происходит в воздухе, – потревожить осиное гнездо. Мой экран кишел отметками летательных аппаратов, одержимых одной целью – заставить меня совершить более чем жесткую посадку. Со сто-

роны «Пулкова» подлетали два звена вертолетов Ка-508, с северо-востока, издалека, приближались еще какие-то быстро летящие цели – наверняка истребители, по большому счету сейчас бесполезные. Про эйркиллеры и говорить не приходится – заниматься точными подсчетами было некогда, но не меньше полусотни этих пташек поднялось в воздух. Некоторые, впрочем, уже возвращались, расстреляв в мою сторону весь боезапас.

«Пустельга», теряя высоту и оставляя густой шлейф дыма, уходила к юго-западу. Пожара на борту не было, действовал постановщик дымовой завесы, – но все равно с парой-тройкой пулеметных очередей разминуться не удалось. Турбина работала с перебоями, временами самопроизвольно сбрасывая обороты; датчики рапортовали, что давление в пневмосистеме падает, элероны всё с большим трудом откликались на движения штурвала...

Короче говоря, тянул я на честном слове и на одном крыле – в самом прямом смысле, крыло у «Пустельги» одно, образованное сложившимися лопастями ротора.

До расчетной точки посадки – семь с половиной километров. Там, по плану Пастушенко, меня должна была поджидать машина. И наверняка поджидает... Но отчего-то появились подозрения, что пассажиры той машины всадят «стингер» в заходящую на посадку «блеху». В последнее время я чертовски мнителен.

Поэтому пришлось забирать правее – туда, где поблескивало зеркало водоема приличных размеров. Пулковского водохранилища, если быть точным. Вообще-то плотины водохранилищ возводят на реках, но Пулковка право именоваться рекой никак не заслуживала: ручеек, почти пересыхающий летом. Но за века и тысячелетия этот ручей прорыл немалую котловину, рассекающую Пулковские высоты, – ныне перекрытую дамбой и заполненную водой.

Не особо чистой водой, надо сказать... Мутная, желтовато-серая поверхность проносила вниз, в полтора десятках метров, когда я пересадил своего мертвого шелушащегося пассажира на пилотское место и навалился плечом на дверцу. Она приоткрылась с большим трудом, мешал обтекающий поток воздуха. Все-таки стандартные колпаки стандартных самолетов куда удобней для экстренной эвакуации. В «Пустельге», естественно, предусмотрена возможность катапультирования, но я не стал задействовать соответствующую систему. Пусть те, кто очень скоро займется поиском пилота-террориста, для начала отправятся по ложному следу. Да и нештатные доработки катапульты со стороны мистера Пастушенко исключать никак нельзя.

Давненько не нырял с десятиметровой вышки... А с вышки, несущейся со скоростью двести километров в час, вообще не нырял никогда. В результате прыжок получился далеким от изящества – шлепнулся в Пулковское водохранилище я с шумным плюхом, подняв прямо-таки фонтан брызг... И тут же камнем пошел на дно.

Впрочем, так и было задумано. Не зря же пришлось с утра таскать под одеждой тяжеленный грузовой пояс. Совершать заплывы по поверхности чревато: эйркиллеры интеллектом не блещут, даже искусственным, и наверняка продолжают сейчас погоню за опустевшей «блехой». Но на подлете Ка-508, и уж их-то экипажи наверняка заинтересуются: кто это тут решил открыть купальный сезон в мутной водичке? Нет, пусть лучше между мной и их скорострельными пушками окажутся несколько метров водной толщи. Так оно спокойнее...

Ничего интересного на дне не оказалось. Видимость – сантиметров двадцать, даже пальцы вытянутой руки не разглядеть. Грунт – насколько можно было рассмотреть, приливив очки для подводного плавания к нему почти вплотную, – сплошная глина, кое-где покрытая остатками не успевшей сгнить травы и редких кустиков; раз в десять-пятнадцать лет водохранилище спускали, чистили от накопившегося ила, и кое-какая растительность успевала пустить корни в обнажившееся дно водоема... Не Красное море, в общем. И не Карибское.

Но я и не собирался заниматься дайвингом, наслаждаясь подводными пейзажами. Вставил в рот загубник и поплыл, стараясь держаться у самого дна. Не абы куда – строго по компасу. Акваланга, разумеется, у меня не было – этакая громоздкая деталь снаряжения тут же вызвала бы законное недоумение у комитета по моим торжественным проводам. Однако во внутреннем кармане лежал небольшой ярко-красный баллончик с коротким шлангом и загубником – аварийное приспособление, позволяющее аквалангистам в случае отказа акваланга избежать экстренного всплытия с большой глубины и неизбежной кессонной болезни.

Решив, что на дне нет ничего загадочного, таинственного и будоражащего воображение, я немного поспешил. Кое-что обнаружилось... Не реликтовое подводное чудище, не набитый флибустьерскими сокровищами грот, и не развалины Атлантиды, Пасифиды или Лемурии. Даже не бульдозер, позабытый мелиораторами, очищавшими в последний раз ложе водохранилища.

Поначалу я и сам не понял, что нащупала моя рука, исчезающая в серой зыбкой мутности. Похоже на траву, но какая-то она не такая, неправильная, отличающаяся на ощупь от тех истлевших стеблей, которых мне доводилось время от времени касаться во время сегодняшнего заплыва. Потом палец куда-то провалился, и неожиданно зацепился за что-то жесткое, даже острое...

Приблизив очки к находке, я тут же отпрянул.

На дне Пулковского водохранилища лежал труп. И мой шарящий за пределами видимости палец угодил ему прямо в рот.

Пулковское водохранилище, чуть позже

Как и у большинства нормальных людей, в моей психике изначально заложен не то чтобы страх перед мертвецами, но некий дискомфорт от их присутствия, особенно от столь близкого. Хотя, казалось бы, мертвые – самые безобидные существа на свете, и причиняют вред живым лишь в стереоужастиках. Однако – заложен.

Но жизнь не раз сталкивала с людьми, умершими насильственной смертью. И врожденная неприязнь к мертвецам несколько притупилась...

Короче говоря, я не выскочил на поверхность с паническим воплем. И даже не поплыл поскорее своей дорогой. Задержался – правда, очень ненадолго – и осмотрел тело.

Когда-то ЭТО было девушкой или молодой женщиной. Возможно, весьма симпатичной, теперь уже не понять – лицо старательно изуродовано. Я взял покойницу за руку, приблизил к очкам ее пальцы – разбухшие, серые, отвратительно-скользкие на ощупь. На каждом аккуратно срезана подушечка, дактилоскопия в опознании трупа помочь не смогла бы... Равно как и стоматологическая карта – в приоткрытом мертвом рту виднеются лишь неровные обломки зубов, именно за них зацепился мой палец, б-р-р-р... И не хочется даже задумываться, как и каким инструментом это сделано.

Ноги покойницы я осмотрел, уже догадываясь, что увижу. Так и есть, несколько витков нейлоновой веревки и синий мешок, набитый чем-то угловатым и явно тяжелым. Чем именно, я не стал выяснять. Равно как и не стал любопытствовать содержимым карманов. Наверняка люди (или один человек), потратившие столько сил на приведение женщины в вид, исключающий опознание, не оставили на трупе ничего, способного дать какую-то ведущую к ним нить...

Да и зачем мне такая нить? – риторически спросил я сам себя, когда поплыл дальше. Пора бы уж избавиться от рефлексов сыскаря, угодившего на место преступления. У тебя, дорогой друг, теперь другой статус. Прямо противоположный.

Однако я был несправедлив сам к себе. Отнюдь не одни лишь вьезавшиеся профессиональные привычки заставили потратить драгоценную минуту на осмотр покойницы – сей-

час, когда на счету каждая секунда. Имелась в облике мертвой женщины некая деталь, сразу зацепившая мое внимание...

Анализировать ту деталь не место и не время. Дно круто повышается, моей подводной одиссее приходит конец. И покинуть водную стихию надо по возможности незаметно.

...Береговой откос здесь выложен бетонными плитами – старыми, потрескавшимися, с травой, растущей в стыках и трещинах. Именно поэтому на мне был надет лавкриновый костюм соответствующей расцветки, издалека незаметный на сером бетоне. Хотя никого, способного заметить мой выход на берег, и без того поблизости не виднелось – ни на берегах, ни на воде, ни в воздухе.

Зато в нескольких километрах от водохранилища царил изрядный ажиотаж. Поднимался к небу столб дыма, и стрекотали вертолетные двигатели, и доносился еле слышный отзвук сирен. Именно там рухнула «Пустельга» – прощай, верная небесная лошадка, послужила ты мне совсем недолго, но весьма эффективно. Уж извини, что так всё сложилось...

Громада «Хеопса» виднелась и отсюда – вернее, лишь верхняя часть гигантской пирамиды. Сверху – ни струйки дыма. Я не удивился, знал, что системы пожаротушения там самые современные. Всмотрелся, и показалось – а может, и не показалось, – что в небе у пирамиды промелькнула стайка крохотных силуэтов. Эйрkillеры шли на посадку, словно стайка шершней возвращалась в родное гнездо.

Вполне возможно, что в объективы видеокамер этих малюток (по крайней мере, трех или четырех) угодил мой прыжок с «блохи». Но чтобы просмотреть все записи, потребуется время, и какую-то фору я получу... Нет, наземная операция по плану «бредень» все равно будет проводиться, однако поначалу далеко не с тем тщанием – наверняка обгоревшее тело воздушного террориста уже обнаружили в кабине «Пустельги». Либо вот-вот обнаружат.

Тем не менее пора смываться... Осматриваясь, я совершил несколько странных телодвижений. Странных для человека, ибо именно так отряхивается выбравшаяся из воды собака. Во все стороны полетели брызги, частицы донного ила, прочего мусора, – и через несколько секунд мое сходство с чудом спасшимся утопленником начисто исчезло. Теперь я скорее напоминал вполне сухопутного человека, недавно угодившего под дождь средней силы. На правах рекламы: лавкрин – не дорогой, не намакающий, не пачкающийся и не мнущийся – просто находка для людей, предпочитающих купаться, не снимая одежды. Спрашивайте в ателье и магазинах!

Баллон, грузовой пояс и очки для подводного плавания остались на дне водохранилища, на берег я поднялся уже без них. Прочие криминальные предметы из моих карманов канули вместе с «Пустельгой» (за исключением трофейного парализатора – приберег на всякий случай, вдруг понадобится стереть кому-то воспоминания о моем выходе из воды).

Ну что же, теперь я чист и непорочен, как праведник, уверенно ступающий путем Будды...

Однако же – чтобы не огорчать ищущих улики, когда они здесь появятся – неподалеку, в небрежно замаскированном тайничке, лежал полный комплект аквалангиста. Причем выяснить происхождение акваланга не столь уж сложно, номера на баллонах в целости и сохранности. И цепочку последующих владельцев проследить тоже в принципе несложно, но достаточно хлопотно. Естественно, уводила та цепочка далеко в сторону от меня... Еще более естественно, что и ласты, и гидрокостюм были мне безбожно малы.

Теперь осталось лишь облить содержимое тайника водой из саморазрушающейся пластиковой бутылки – что я и сделал. (Вода в бутылке была не из-под крана, из водохранилища; на невнимании к подобным мелочам легко засыпаться не только дилетанту, но и профессионалу.)

Затем последовала получасовая прогулка по борщевиковым джунглям. Машина мирно стояла, где должна была стоять. Я перевел дух. Лишь этот момент операции – доставку

транспорта в нужную точку – мне никак не удавалось проконтролировать лично, не засветившись перед Пастушенко... Подошел уверенным шагом – кому какое, дескать, дело до того, зачем водитель уединился в зеленых зарослях. Конституция, черт возьми, гарантирует право на личную жизнь!

Сканер, вмонтированный в водонепроницаемый смарт, мертво молчал: никаким вторжениям и, тем более, посторонним доработкам взятый напрокат «Форд-Дерринджер» не подвергался... Отлично.

Десять минут заняла смена имиджа – личностям в дешевых лавкриновых костюмчиках раскатывать на «Дерринджерах» не к лицу...

...Как выяснилось, «бредень» растянули достаточно оперативно. Автопилот «Форда» обиженно замыкал, сигнализируя о непреодолимом препятствии – впереди шоссе, ведущее от Царского Села к Киевской федеральной трассе, было забито автомобильной пробкой длинной километра два, не меньше. Другого я и не ожидал...

Шоссе Санкт-Петербург – Царское Село, 15 июня 2028 года, 10:39

Вдоль бесконечной колонны машин неторопливо шел мент. Типичный мент. Можно даже сказать, архитипичный. Или того хуже: архетипичный. Когда благодарное человечество решит установить памятник – аллегорическую фигуру мента, – этот вот старший сержант может послужить натурщиком. Фигура вполне монументальная, лицо словно вытесано топором, багровая шея стиснута воротником, как гарротой...

Порой ведь бывает, что милицейскую форму и погоны надевают люди случайные, явно не предназначенные Провидением на роль мента, и неуютно чувствующие себя на чужом месте. Этот же... Держу пари на что угодно: когда шествующий по Царскосельскому шоссе организм появился на свет – в провинциальном роддоме лет тридцать с гаком назад – именно в тот момент в какой-нибудь компании неожиданно повисло тяжелое молчание, и кто-то глубокомысленно изрек: «Мент родился!» А врачи и акушерки изумленно ахнули, глядя на сорочку, в которой родился младенец, – серую, форменную... И на дубинку-демократизатор, стиснутую в пухлой ручонке.

Впрочем, сейчас изрядно подросший и раздавшийся в плечах младенец сжимал в громадной лапище не дубинку – видеокамеру. И периодически совершал ею монотонные движения: наводил на номер очередной машины, затем на лицо сидящего за рулем. Понятно... Сигнал с камеры идет на импровизированный контрольно-пропускной пункт – первичная пробивка: не угнана ли тачка, не в розыске ли водитель. Запись наверняка сохранится – и позже всю эту галерею портретов просеют крупным ситом, а затем и мелким...

Что характерно, к некоторым машинам – особо навороченным – мент не приближался. И не тревожил их обитателей, не просил опустить густо тонированные стекла. Лишь фиксировал номера... Возможно, и мой «Дерринджер» показался бы этому Свистулькину достаточно крутым. Возможно, и меня спасла бы тонировка от бдительного ока видеокамеры. На беду боковые стекла были опущены, и водительское, и пассажирское, – остановившаяся машина быстро нагревалась на солнце, а я поленился разбираться, как в ней настраивается кондиционер... А сейчас демонстративно задраиваться под взглядом и объективом мента-папарацци нельзя, такие поступки хорошо запоминаются...

Недолго думая, я подсоединил смарт к бортовому компьютеру, включил загрузку... И повернулся к экрану – так, чтобы камера смогла разглядеть в лучшем случае мой затылок, ухо и часть щеки. У делового человека крайне важный деловой звонок – отойдите и не мешайте. Кому бы позвонить для вида? Лучше всего в какую-нибудь автоматическую справочную. Я потянулся к смарту, и тут...

И тут он заверещал – очень громко, однотонно и неприятно. Входящий звонок... Причем звонок посредством ИКД, а не абонентского номера, – иначе раздалась бы вполне цивилизная музыка.

Отвечать не стоило. Никто из тех, кому известен мой индивидуальный код доступа, позвонить сейчас не должен. Да и не много таких людей, по пальцам одной руки пересчитать можно...

Тем не менее я коснулся клавиши «ответ» – монументальная фигура старшего сержанта неумолимо надвигалась на «Дерринджер». Мало найдется на свете граждан, игнорирующих вызов по ИКД – если бы я сидел в костюме папуасского вождя в компании пары обнаженных папуасок, и то привлек бы меньше внимания...

На экране компьютера возник... Что за... Я зажмурился и вновь распахнул глаза. Невозможное видение – Андрюшка Стрельцов по прозвищу Буравчик – не исчезло, не развеялось. Более того, поприветствовало меня самым обыденным тоном.

Лучше бы я нарядился папуасом...

Глава седьмая. Кое-что из жизни лесбиянок

Люди не ангелы, и чертей между ними много, следственно, полиция, и тайная полиция, необходима и для государства, и для всех честных людей, но действия ее должны быть справедливы, разборчивы, должны внушать доверенность людям честным и невинным.

Н. И. Греч, «Записки о моей жизни»

Малая Лубянка, 15 июня 2028 года, 10:39

– Поговорить сейчас можешь? – спросил Стрельцов.

Влад ответил после крохотной паузы:

– Могу, но недолго. Застрял в пробке, скоро поеду...

– Разве тебе мигалка по должности не полагается? – искренне удивился Стрельцов.

– По какой должности? Я семь месяцев в отставке, вольная птица.

– А-а-а... – протянул Стрельцов, теряя интерес к разговору. – В коммерцию подался...

То-то я гляжу, тачка такая навороченная...

– Ты позвонил, чтобы делать комплименты моей тачке? Приезжай, покатаю.

– Так вот я для того и звоню – надо бы как-нибудь собраться, посидеть, вспомнить годы молодые, ребят помянуть...

Фраза Стрельцова прозвучала более чем сослагательно. Дескать, хорошо бы, но не сейчас, попозже. Тем не менее Влад спросил заинтересованно:

– Ты в Питере?

– В Москве. И не я один... – Стрельцов сделал знак Лосю, тот придвинулся поближе, оказавшись в поле зрения объектива.

– Привет! Какие люди... – улыбнулся Влад-Гюрза. И слова, и улыбка показались Стрельцову немного фальшивыми – чуть-чуть, самую капельку.

После этого разговор длился еще около минуты, но ничего важного сказано не было – обмен пустыми, ни к чему не обязывающими репликами.

– Еще один скурвился, – неприязненно сказал Стрельцов, отключив компьютер от канала связи. – За новенький «драйвер» продался...

Лось помотал головой. И ответил одним словом:

– Нет.

– Ты что, его одобряешь? – изумился Стрельцов. – Значит, и Чебурашка, и Серый, и все, кто с Криворожья не вернулся, за «драйвер» Гюрзы погибли? Может, и нам к Моргулису на службу пойти?! Авось БМВ насовсем подарит...

Лось повторил свой отрицающий жест. Пояснил:

– Не «драйвер» у него. «Форд-Дерринджер», прошлогодняя модель.

Стрельцов лишь махнул рукой: какая, мол, разница... В иномарках последних моделей он разбирался слабо, Баренцбург ими не изобиловал. Взял распечатанный чистовик оперплана, направился к дверям.

– Пойду, отдам на подпись... И все-таки непонятно – если Гюрза не при делах, с чего это Барсук так размигался?

Шоссе Санкт-Петербург – Царское Село, 15 июня 2028 года, 10:57

Сзади раздался требовательный гудок. Задумавшись после звонка Буравчика, я пропустил момент, когда наша скопившаяся перед постом колонна пришла в движение. Пропускали машины теперь достаточно быстро, без прежней долгой проверки, без досмотра салонов и багажников. Надо понимать, до оцепления дошла весть: среди обгоревших обломков «Пустельги» обнаружен труп террориста. Через несколько минут я вырулил на Киевскую трассу, передал управление автопилоту и включил новости. Интересно, насколько оперативно отреагируют СМИ на атаку «Хеопса»?

СМИ не порадовали. Обычная лабуда: в Алабаме стреляют, в Юте стреляют, в Карпатах стреляют, в Туркестане боевики сдают оружие и возвращаются к мирной жизни... (Ну-ну... Знаем мы их мирную жизнь: днем мирный и законопослушный, а ночью автомат из тайника достанет, и к трассе или к блокпосту...) Норвежский МИД мечет громы и молнии по поводу планирующегося визита нашего президента в самопровозглашенную республику Грумант; в ответ наш МИД выражает озабоченность строительством военного аэродрома Евросоюза на острове Медвежий – на исконно русской территории, неправомерно аннексированной Норвегией сто девять лет назад... Норвежский парламент тем временем под шумок дебатировал вопрос о развертывании в составе вооруженных сил еще одной дивизии. Вспомнили, комики, не то эпоху викингов, не то времена НАТО...

Когда начались новости культуры и спорта, я понял, что сообщение про «Хеопс» в этом выпуске не прозвучит. И дальше слушал уже вполуха про скандальный переход Донателли и Пигу из донецкого «Шахтера» в питерский «Зенит», о судебных исках обманутых зрителей к певице Занозе – оказывается, поп-звездочка вместо себя по меньшей мере на десятке концертов выпускала на сцену стереодубль... Лишь последнее сообщение оказалось забавным: в Европейском суде по правам человека наконец завершился судебный процесс, начавшийся аж два десятка лет назад в Хамовническом райсуде Москвы. Российская гражданка Мария Трюкина доказала-таки свое право изучать в школе не только классическую версию всемирной истории, но и альтернативную, выдвинутую в свое время академиком Фоменко. Никто уж и не помнит, в чем та версия состояла, да и золотые школьные годы гражданки Трюкиной давно миновали, но своего упорная дамочка добилась. Теперь, пошутил комментатор, на очереди альтернативная география по Геродоту, альтернативная космогония по Птолемею и альтернативная таблица умножения по двоечнику Вовочке...

Я не улыбнулся шутке. Мне не давал покоя вопрос: зачем, собственно, звонил Буравчик? Никогда не поверю, что его замучила ностальгия, не тот человек. Однако никакой иной цели в разговоре он не проявил, либо я умудрился ее не заметить... Может, и не стоило бы ломать голову, если бы не время звонка – менее чем через час после моих воздушных приключений. Поневоле заподозришь, что причина разговора проста: проверить, жив ли человек, коему надлежало умереть в ходе акции, – проще говоря, я. М-да... Но почему Буравчик?

Нет, я отдавал себе отчет, что среди «патриотов», стоящих за спиной Паши Пастушенко, наверняка есть сотрудники ФСР. Иначе ничем не объяснить его информированности о моих жизненных перипетиях и до увольнения, и после. Но чтобы Буравчик... Времена... Никому нельзя верить.

Тем временем «Дерринджер» въехал в город, вновь пришлось взять управление на себя. До Московской площади совсем чуть, и пора сделать выбор, который я долго – почти всю дорогу – откладывал. Хотя подсознательно знал, к какому именно решению в конце концов приду.

Дело в том, что появляться сейчас в моей квартире не просто глупо и рискованно – самоубийственно. Конечно, крохотный шанс оставался, – так у человека, поднесшего пистолет к виску, всегда есть шанс на осечку. Пастушенко наверняка не ждет от меня подобной глупости, и мог послать сторожить мое жильё отнюдь не самых толковых и опытных людей. Но мог и отработать вариант по полной программе...

Ловить на столь мизерные шансы не в моих правилах. И, согласно первоначальному плану, я не должен был возвращаться домой – проехать через Московскую площадь дальше, через центр города в северные районы, к загодя подготовленной конспиративной квартире...

Перед самой площадью я свернул к дому. В чем причина? Причина лежала сейчас на дне Пулковского водохранилища – с изуродованным лицом и срезанными подушечками пальцев. Эх, и отчего я не проплыл на метр левее или правее...

...Оставив «Дерринджер» вдали, за два квартала, я прогулялся пешком. Удивительно, но засады возле дома не было. Вдоль длинного фасада кирпичной девятиэтажки припаркованы хорошо знакомые машины, и никаких подозрительных праздношатающихся граждан... Значит, меня поджидают на лестнице – какие-нибудь лжеремонтники, якобы возящиеся с трубами или проводкой. Так я подумал, отпирая металлическую дверь подъезда, – и ошибся. Никого...

Вариант с незваными гостями в квартире я не рассматривал. Даже если бы Пастушенко пригнал в нее полк технических специалистов, все электронные сюрпризы они за несколько часов не отыскали бы... Однако смарт молчал – движущихся объектов на охраняемой территории нет. И издающих какие-либо звуки – нет. И даже обладающие альфа-ритмами визитеры не присутствуют... После длительных тренировок можно, конечно, долгие часы сохранять неподвижность и не издавать ни звука, – но еще и не думать при этом? Не слышал о таких ниндзя...

Никакой радости от гарантированной Конституцией неприкосновенности собственного жилища я не испытал. Напротив, крепло чувство тревоги: не мог, никак не мог Паша полностью проигнорировать вероятность моего возвращения в родные пенаты... Значит, меня поджидает какой-то особо поганый сюрприз.

Так и есть... Сюрприз я обнаружил сразу, едва осторожно открыл входную дверь, – благо лежал он, сюрприз, прямо на полу прихожей.

Малая Лубянка, 15 июня 2028 года, 11:37

Когда Стрельцов вернулся с подписанным оперпланом, Лось раскладывал на столе замысловатый пасьянс: тринадцать снимков и тринадцать чипов с досье участников шоу «Наши звезды». Выкладывал их в затейливом порядке, затем разбивал на группы по каким-то только ему ведомым признакам, затем смешивал и начинал все сначала.

– Погадать решил? – скептически поинтересовался Стрельцов.

Напарник пропустил иронию мимо ушей. Сказал задумчиво:

– Стреляли-то не из слабой пушки... Армейская модель, не иначе. Вот я и думаю: могла ли девчонка с такой управиться?

Его пасьянс в настоящий момент был рассортирован по половому признаку: шесть юношей слева, семь девушек справа.

– Тут ведь не экспромт, и не убийство в состоянии аффекта, – покачал головой Стрельцов. – Пушку заранее на борт принесли, вполне продуманно. Значит, и стрелка вполне могли заранее подготовить... Или сам подготовился, в тире позанимался, – если все-таки одиночка.

До сих пор у них было две рабочие версии, вернее, два черновых наброска версий: либо все произошедшее на борту «Немезиды» – самодеятельность одного из участников шоу, решившего заработать многомиллионный приз путем отстрела соперников, либо убий-

ство и покушение – результаты заговора, предположительно организованного конкурентами КРТ.

Стрельцов вытащил из столбика девичьих мордашек один снимок, поместил его посередине между женской и мужской половинами подозреваемых. Спросил:

– Ну что, будем считать ее условно-невиновной?

На снимке широко улыбалась Надежда Солнцева. Пожалуй, строгим канонам классической красоты она не соответствовала – взгляд с крохотной, едва заметной раскосинкой, вокруг носа россыпь милых веснушек – однако была чертовски, ослепительно хороша. Можно увидеть – и влюбиться. Но Стрельцов предлагал вывести Надю из числа подозреваемых не по причине заочной влюбленности – перед ними лежал снимок будущей победительницы. И уж она-то ни в коем случае не заинтересована в срыве шоу.

– Разрабатывать – так уж всех, – жестко сказал Лось. – Ты уверен, что ГП нам не соврал? Уверен?

Логика в его сомнениях была, и немалая. За информацию о победительнице многие букмекерские конторы готовы выложить немалые суммы, и ГП мог подстраховаться, дезинформировав следователей КРТ.

– В нее же стреляли... – высказал Стрельцов еще один довод в пользу Надежды.

– Подумаешь... Вот если бы убили...

– Циник ты, Леша.

– А ты можешь придумать лучший способ отвести от себя подозрения? В консервной банке, летающей черт знает где? Там, знаешь ли, на прохожего, случайно заскочившего с улицы, стрелки не переведешь... Может, там не в деньгах дело? Может, они с этой Чистой-Кузякиной мужика не поделили? В таких замкнутых коллективчиках сам знаешь, какие тараканы в мозгах заводятся...

Стрельцов вздохнул, пододвинул снимок обратно к остальным. И сказал не без ехидства:

– Ну что же, любовный треугольник как версия вполне проходит... Значит, тебе ее и отрабатывать. Просмотришь все записи с участием Чистой и Солнцевой – не было ли личных конфликтов, не пересекались ли интересы на каком-нибудь парне.

Лицо Лося сохранило прежнее выражение (вернее, отсутствие такового), но глаза распахнулись широко-широко. Наверняка уже жалел о сказанном...

Мяукнул сигнал внутреннего вызова. Стрельцов потянулся к пульта, через секунду на экране возник Барсук, причем отчего-то в профиль.

– Бездельничаете? – генерал-майор отвернулся от невидимого собеседника и предпочел начать разговор с чистейшей воды провокации. – Включите-ка побыстрее новости на второй кнопке.

Экран погас, подчиненные не успели ответить ни слова.

Сюжет в новостях они включили на середине, но поняли все с первого взгляда, даже не прислушиваясь к тараторящей корреспондентке, – за ее плечом, на заднем плане, высилась громадина «Хеопса». Из рваной дыры в наклонной поверхности вырывались клубы не то белого дыма, не то пара.

Санкт-Петербург, квартира Гюрзы, 15 июня 2028 года, 11:38

Алиса была лесбиянкой, и все это знали. И я знал.

Встречаются люди, о нестандартных пристрастиях которых окружающие не подозревают долгие годы, и могут не узнать никогда. Алиса к их числу не принадлежала. Она несла по жизни свою ориентацию гордо, словно знаменосец – знамя овечьего славы полка.

Достаточно было посмотреть, как Алиса в сопровождении новой пассии заходит в круглосуточный магазинчик, расположенный напротив нашего подъезда, – ступает гордо и не менее гордо по сторонам, всем своим видом заявляя: да, я вот такая! И мне так жить нравится! Любовницы у нее почему-то всегда, без исключений, были девушками невысокими, субтильными и робкими, – на их фоне Алиса, энергичная, рослая и фигуристая брюнетка, выглядела особенно ярко. А манеры ее смотрелись особенно вызывающими.

Естественно, многие ее не любили, – и мужчины, и женщины. Мужчины, пожалуй, даже сильнее. Я не разделял их нелюбовь, и всегда относился к Алисе с симпатией – нравилась своим избытком энергии, жизненной силы... Нельзя сказать, что мы были близко знакомы: знали друг друга по именам, порой обменивались парой фраз, встретившись у подъезда или в магазине. Обычные для мегаполиса отношения между живущими по соседству людьми.

Окружающие, повторяю, Алису не любили – но никаких агрессивных форм их отношение не принимало. Так, косые взгляды да перешептывание за спиной. Трудно поверить, что среди соседей нашелся натурал-экстремист или натуралка-экстремистка – помешанные на гетеросексуальных идеях настолько, чтобы застрелить Алису, затащить тело в мою квартиру и бросить на полу прихожей...

Однако она лежала именно здесь. Застреленная. Сюрприз так уж сюрприз. Что же за день такой сегодня? Куда ни ткнишь – всюду убитые женщины...

Очень скоро я понял, что на самом деле в квартиру труп не затаскивали – застрелили Алису именно здесь, в прихожей. Пуля из достаточно мощного оружия ударила в область сердца, прошла навылет и застряла в стене. Смерть наступила мгновенно – кровавая лужица на полу совсем крохотная... Судя по температуре тела, убийство произошло рано утром, вскоре после моего ухода. Повозившись с блоком памяти охранной системы, можно было выяснить точное время, но не стоило терять ни секунды... Раз уж никто из орлов Пастушенко не дежурил снаружи и на лестнице – визит доблестных правоохранителей можно ожидать с минуты на минуту.

Я прошел в комнату, осторожно переступив через труп, – надо было проверить одно нехорошее подозрение. Выдвинул из-под шкафа картонную коробку, торопливо раскрыл... Так и есть. Внутри – семнадцать плоских свертков, упакованных в промасленную бумагу и уложенных в два аккуратных ряда. Утром их было восемнадцать. И не надо расковыривать штукатурку, доставать пулю и устраивать баллистическую экспертизу. Без того ясно – именно из восемнадцатого, пропавшего АБПГ-22 застрелили Алису. (АБПГ – автоматический безгильзовый пистолет Горчанова, модель двадцать второго года; в просторечии – «горчичник».)

Поскольку же котов в мешке я никогда не продаю, и все оружие проверяю лично – на пистолете вполне могли остаться мои отпечатки. Естественно, прежде чем уйти к клиенту, пистолет был бы тщательно протерт, но... Но получилось то, что получилось. Искать оружие убийства бессмысленно, наверняка спрятано здесь, в квартире – но так, что быстро не найдешь.

После секундного колебания я достал из коробки еще два пакета. Возьму с собой, пригодятся...

Теперь самое главное: то, ради чего я рискнул здесь появиться. Фотоальбомы стояли в полке, ничем не заинтересовав утренних гостей. Рядом коробочка со стереочипами. Я сунул ее в пластиковый пакет, туда же отправились несколько последних альбомов. Всё, пора уходить...

Прощальный взгляд по сторонам – привык за пять лет к этой квартирке, но едва ли доведется здесь еще пожить... Шагнул в прихожую, взглянул еще раз на Алису. Красивая женщина... была.

И в это время прозвучал звонок – длинный, настойчивый, требовательный. Кто-то очень желал войти в дверь, и я догадывался – кто. Менты, получившие от пожелавшей остаться неизвестной бабульки сообщение: дескать, поутру из квартиры сто шестьдесят семь слышались звуки скандала, завершившегося, страшно сказать, выстрелом!

Не ошибся – из четырех камер, показывающих с разных ракурсов лестничную площадку, не работала ни одна. Едва ли зашедшая за солью и луковицей соседка станет развлекаться, залепляя чем-нибудь объективы.

Зато пятая камера, сканирующая окрестности подъезда, осталась в рабочем состоянии. И продемонстрировала сразу три машины: два стандартных милицейских джипа плюс фургончик без опознавательных знаков какого-либо ведомства.

Солидно... Пожалуй, вся эта карусель завертелась не из-за звонка бабульки в райотдел, Пастушенко задействовал какой-то другой механизм... Иначе не прикатали бы по мою душу такой многочисленной компанией.

К окнам я даже не стал подходить. Первый этаж – и наверняка в мои бронестекла уже нацелена пара снайперок, а притаившаяся группа захвата поджидает, когда мне в голову придет идея эвакуироваться именно таким путем.

Настойчивые звонки смолкли. Ну и что теперь? Применяют автоген? Или сразу шарахнут направленным взрывом? Вопрос интересный, но дожидаться его разрешения ни к чему.

А теперь коронный трюк: бесследное исчезновение подозреваемого из замкнутого, запертого и тщательно оцепленного пространства! Следите за руками!

Как известно, все трюки знаменитых иллюзионистов с загадочными исчезновениями-появлениями основаны на применении самой современной и хорошо замаскированной техники. Мой трюк исключением не стал: с тихим жужжанием кусок паркета поднялся вверх – и выяснилось, что крепится он не к полу, но к металлическому люку, лишь декорированному снизу бетонной крошкой в целях незаметности. Из открывшегося темного провала потянуло холодом и сыростью...

Лесенки не было, пришлось прыгать. Приземлившись на мягкую и влажную землю подвала, я вспомнил, каких трудов мне стоило незаметно и неслышно прорезать эту дыру в толстенном железобетонном перекрытии. Ну что же, труды окупились... Люк закрывать не требовалось, через двадцать секунд механизм сработает самостоятельно. Ну и чем я хуже Гудини, Копперфильда или Максудова?

...Когда мое подвальное путешествие завершалось – до выхода в самый дальний подъезд нашего длинного дома оставалось пройти пару помещений – донесся глухой, но мощный отзвук взрыва.

Желающие попасть в квартиру граждане не стали возиться с автогеном.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ «НЕМЕЗИДА», ВИД ИЗДАЛЕКА

Глава первая. Трудовые будни террористов и следователей

В январе 1825 года пришла мне в первый раз мысль, что поелику революция в самом деле может быть полезна и весьма вероятна, то непременно должно мне в ней участвовать и стать лицом историческим.

Декабрист Г.С. Батеньков, протокол допроса

Малая Лубянка, 15 июня 2028 года, середина дня

Подкрепление, обещанное группе «Немезида», помаленьку прибывало – к обеду под командой Стрельцова было уже восемь человек, если считать его с Лосем. Правда, трое из них не оперативники и не аналитики – девушки из информационного отдела (честно сказать, не такие уж девушки – возраст самой младшей Стрельцов оценил в двадцать пять лет, старшей было за тридцать). Но и от этой подмоги отказываться грех, особенно когда предстоит перелопатить громадные объемы информации...

Плюс двое оперов: один – Юрий Митько – из молодых, незнакомых; второй – Гриша Кайданников по прозвищу Козерог, старая гвардия. Работать с ним Стрельцову не доводилось, но отзывы коллег слышал очень даже неплохие...

Плюс некий господин Хрушев – попросивший называть его по имени-отчеству, Василием Васильевичем, а если уж никак не обойтись без фамилии, то ставить ударение в ней на первом слоге. Был ВВХ (так его мысленно окрестил Стрельцов) высоким, сутулым мужчиной на шестом десятке, носил очки с толстыми линзами и регулярно, по часам, принимал какие-то пилюли... Зато считался великим специалистом во всяческих экономических махинациях – якобы определял нестыковки в финансовых бумагах верхним чутьем, не зарываясь в бумажные терриконы первичных документов.

Чем занять этого новобранца по его прямому профилю, Стрельцов не придумал, – и покамест ВВХ работал с базами данных лицензионно-разрешительных комиссий: не оформлял ли кто-нибудь из участников шоу «Наши звезды» лицензию на огнестрельное оружие самообороны.

Хотя, конечно, максимальный калибр, дозволенный законом к личному владению – 7,62 миллиметра, а Чистову-Кузякину застрелили из чего-то более основательного. Но Стрельцов хорошо знал: решать проблемы с помощью пистолета гораздо более склонны граждане, привычные к такому оружию. А непривычные бьют по голове тяжелыми предметами, или тыкают в организм предметами острыми, – даже если под рукой имеется что-то огнестрельное.

Девушки тоже сидели за компьютерами: одна занималась прошлым господина Моргулиса, две других просеивали круг знакомств участников и участниц шоу, – не светились ли там люди, связанные с космическими разработками, в частности с проектом «Немезида»? Или проходившие по каким-то делам ФСР либо милиции? Или как-то связанные с Ти-Ви-Кей или другими конкурентами Коммерческого Российского телевидения?

Лось же в отдельной комнате занимался просмотром выходявших в эфир передач шоу «Наши звезды» – Стрельцов не шутил, когда пригрозил, что проверкой версии о любовном треугольнике коллега будет заниматься лично. И тот понуро крутил записи в ускоренном режиме, переходя на нормальное воспроизведение, как только на экране появлялась Чистова-Кузякина или Солнцева (последняя, кстати, являлась исключением среди собратьев по шоу – участвовала под своей настоящей фамилией, показавшейся организаторам ничуть не хуже придуманного звездного псевдонима).

Козерог и Юрик Митько пока бездельничали – готовые немедленно двинуться по следу, едва только кончик означенного следа мелькнет в наработках остальных. Ну, не совсем бездельничали, такого Стрельцов не допустил бы, – изучали всю доступную информацию о службе безопасности КРТ. Поскольку существовала очень большая вероятность: скоро доведется столкнуться с этими ребятами на узенькой дорожке – чересчур уж показательным, чересчур уж демонстративным было равнодушие Моргулиса. А когда натасканные боевые псы сталкиваются вдали от глаз хозяев... Тогда, знаете ли, может случиться самое разное. И лучше загодя знать, на что способен противник...

Самое поганое, что об истинной цели работы знали лишь Лось со Стрельцовым – начальство категорически запретило разглашать членам группы суть и подробности происшествий на борту «Немезиды». Но люди, ищущие что-либо вслепую, без ясного понимания цели, вполне могут невзначай пропустить перспективный след – если он лежит вне поставленной им локальной задачи. Однако с начальством спорить не принято. Да и оставшиеся у ГП расписки не стоило игнорировать.

Загрузив подчиненных работой, отец-командир собрался в одиночестве обдумать ситуацию в комнате отдыха. А если честно – то вздремнуть хоть полчаса. Между перелетом из Баренцбурга и ранним визитом на КРТ на сон минувшей ночью удалось выкроить меньше трех часов.

Не сложилось... Заявился посыльный и вручил Стрельцову конверт, заставив расписаться в журнале, – причем старательно прикрывал чистым листком бумаги имена и звания уже расписавшихся.

Ну и ну... Не часто доводилось сталкиваться с таким уровнем секретности в стенах родной конторы. Естественно, вскрыл конверт Стрельцов в одиночестве, в той самой комнате отдыха.

И сон как рукой сняло.

Санкт-Петербург, 15 июня 2028 года, середина дня

Следующий выпуск новостей я опять посмотрел в машине – с самого начала и очень внимательно.

Ну наконец-то! Шакалы камеры и микрофона отреагировали на мои утренние подвиги. А то обидно получается: жизнью рисковал, от пуль и ракет уворачивался, грязной воды нахлебался, – и в результате никакого общественного резонанса.

Официальное сообщение прозвучало в самом конце основного блока новостей, перед рекламой. И оказалось необычайно скупым: крупная авария на ЦДКС «Хеопс», причины выясняются, наличие человеческих жертв Министерство обороны не подтверждает, но и не опровергает. Разберем, дескать, обломки, – и все доложим обстоятельно. Затем был обещан более подробный репортаж после рекламы.

Убавив звук, я выложил на пассажирское сидение альбомы. Быстро пролистал один, второй: вот я с детьми в Новгороде, в музее деревянного зодчества – в первое лето после того, как мы разбежались с Ириной. А вот я уже с Женькой, этой весной, в Карелии... Не то... Нужные кадры отсняты год назад, но в какой же альбом я их засунул... Ага, нашел.

Полтора десятка снимков – плоских, не объемных, сделанных старенькой цифровой камерой. Обширное помещение, фуршетные столы, люди с бокалами в руках, значительная часть мужчин в военной форме... Есть тут и я, но в штатском. Такая уж у меня была работа, не позволяла сверкать регалиями и наградами. А вот и она... Черт, неудачный ракурс, стоит вполоборота, только лицо повернуто к снимавшему... Однако меня в данном случае интересовало не лицо.

На следующей странице я увидел полностью удовлетворивший меня снимок: молодая женщина на переднем плане, повернулась к камере, никем не закрыта... Но как раз в этот момент закончилась реклама – и я отложил альбом.

Обещанный репортаж оказался многословным, но малоинформативным. И опять ни в коей мере не осветил всемирно-историческое значение моего героического полета. Съемочную группу к объекту не подпустили, – точка съемки, по моим прикидкам, находилась километрах в четырех от «Хеопса». Впрочем, выбрана она была удачно – из-за громадных размеров пирамиды казалось, что корреспондентка стоит возле самого ее подножия. Отлично была видна дыра в наклонке и вырывающиеся из нее клубы белого пара.

А в остальном ничего интересного: излагалась история строительства «Хеопса» и цели этого строительства (естественно, те цели, что были известны широкой публике). Перечислялись нештатные ситуации и аварии, случившиеся за время проведения работ, – как на грех, все мелкие и незначительные; и корреспондентка, для пущего нагнетания интереса, приплела сюда же «Балхашский инцидент», имевший место четверть века назад. Вот, мол, какие загадочные вещи случаются порой с центрами дальней космической связи. Ну, это она сказала вообще ни к селу, ни к городу, в Балхаше-9 стояла аппаратура, работавшая совсем на иных принципах и для другого предназначенная. Хотя вывеска, согласен, тоже висела космическая. Но никогда и никому не стоит верить вывескам на военных объектах.

Оборвав на полуслове плач по миллионам и миллиардам казенных денег, уходящим в небо белым паром, я переключился на евроньюсовский спутник. Перебрал несколько каналов – и на французском увидел «Хеопс» во всей его красе. Повезло, беглый разговорный французский я понимаю куда лучше, чем немецкий или английский.

Европейцы порадовали. Во-первых, сообщили, что с самого утра в эфире отсутствуют сигналы «Хеопса» – из чего делался вывод, что авария достаточно серьезная. Во-вторых, впервые прозвучало слово «теракт» – как возможная причина пресловутой аварии. Более того, в следующей фразе комментатор высказал предположение о воздушном терроризме! Тут же в эфир пошла плохонькая любительская запись – и я узрел свою «Пустельгу»!

Хотя опознать летательный аппарат было затруднительно: нечто маленькое, оставляющее густой дымный след, промелькнуло вдалеке и исчезло. Очевидно, снимал водитель одной из машин, кативших по Царскосельскому шоссе, – услышал отзвуки пальбы, остановился, вынул смартфон и стал обладателем эксклюзивных кадров...

На этом информативная часть сюжета завершилась – пошли выводы, домыслы и комментарии специалистов, излагавших историю «Хеопса» несколько с иной точки зрения. Дескать, многие европейцы еще не до конца понимают опасность, которой грозит им это чудовищное сооружение. По подсчетам западных специалистов, «Хеопс», включенный на полную мощность в качестве постановщика помех, оставит всю Европу, до самых Британских островов, без связи и без транспорта. Тут же полились потоки крокодиловых слез по поводу незавидной судьбы воздушных лайнеров, застигнутых в полете таким катаклизмом, – им, бедолагам, никак не светит мягкая посадка при полном отказе авионики...

О том, что нацеленные на Россию ракеты и барражирующие вдоль ее границ бомбардировщики тоже превратятся в груды бесполезного железа, ни слова не прозвучало. Равно как и о космической составляющей программы «Хеопс», уже сейчас позволяющей осуществ-

лять надежную телеметрию аппаратов, исследующих спутники Юпитера. Вернее, позволявшей, – до сегодняшнего утра.

В общем и целом, европейский словесный понос оказался ничуть не лучше отечественного. Выключив визор, я вернулся к своему альбому. Вернее, к женщине, изображенной на снимке. Больше всего меня интересовала одна деталь ее туалета – блузка с несимметричной вышивкой, протянувшейся от груди к левому плечу.

Дело в том, что в Питере существует единственный бутик, торгующий блузками с такими вышивками – эксклюзив, ручная работа из стереолюминофорной нити. Не то чтобы я сильно разбираюсь в женских нарядах, но этот факт знал совершенно точно – Ирина как-то приобрела похожую блузку за весьма круглую сумму, хвасталась: ни у кого такой нет и не будет, каждый рисунок единственный и неповторимый, а мастеров, в совершенстве овладевших новой техникой вышивки, можно пересчитать по пальцам...

Вышивку, изображенную на снимке, мне довелось видеть совсем недавно.

Сегодня утром.

На груди утопленницы, лежавшей на дне Пулковского водохранилища.

Малая Лубянка, 15 июня 2028 года, 14:42

В конверте лежала сводка, украшенная штампом «СОВСЕКРЕТНО». Короткая – полстраницы машинописного текста. Подробности якобы аварии, случившейся на «Хеопсе», – а на деле хорошо спланированной и дерзкой атаки с воздуха.

Стрельцов прочитал, задумался... Прочитал еще раз, пытаясь вылущить какой-то намек, скрытый между сухими казенными формулировками. Никаких намеков не обнаружилось, но сложить два и два он и сам был способен...

Взял сводку, пошел к Лосю. У того крутился очередной выпуск космического шоу – интимная, тет-на-тет, беседа Кузякиной и Солнцевой.

– Слушай, как люди это смотрят?! – тоскливо поинтересовался Лось у коллеги. – Миллионы ведь у ящиков сидят, не отлипая... Может, они-то как раз все нормальные – и только я псих?

Стрельцов не стал отвечать, сочтя вопрос риторическим. Хотя имел своё мнение о причине неуважающей популярности всевозможных реалити-шоу. Можно назвать причину одним словом: виртуализация. Всеобщая и глобальная виртуализация нашей жизни. Еще двадцать лет виртуальные ведущие телепрограмм казались экзотикой – неестественные, напоминающие плохо оживленные манекены. Теперь же отличить их от живых коллег позволяет лишь наличие или отсутствие надписи, временами появляющейся в углу экрана, – дескать, перед камерой сидит не виртуал, человек из плоти и крови. Бесконечные стереосериалы с актерами-виртуалами лепятся в режиме реального времени – пять серий в неделю, причем живые актеры-звезды, изредка приглашаемые в отдельные серии для поддержания рейтинга, смотрятся на фоне электронных коллег не слишком выигрышно... Актерская профессия умирает, и не только на экране, но и на сцене, – чего стоил позапрошлогодний скандал с МХАТом, когда просочилась информация, что в ряде спектаклей были задействованы стереодубли известных артистов, и никто не заметил подмены... К тому же стоит учесть, что и в повседневных буднях живое общение сведено к минимуму. До четверти «белых воротничков» работают сейчас на дому, за компьютером, – начальству куда выгоднее оплачивать им канал онлайн-связи с офисом, чем раздувать площади для лишних рабочих мест... Да и встречи с друзьями и родственниками все реже происходят в реале – визор, конечно, вещь удобная, но все же когда вместо реального человека смотришь на экран, а на тебя смотрит камера – волей-неволей чуть иначе говоришь и держишься... А реалити-шоу дает некий суррогат – треплются две девчонки, делая вид, что не подозревают ни о какой камере, и

пусть обе те еще дуры (или лишь прикидываются таковыми), зато живые, настоящие. Опять же все об их проблемах знаешь, чувствуешь себя третьим участником разговора, просто на редкость молчаливым...

Все эти выкладки Стрельцов озвучивать не стал. Протянул Лосю сводку.

– Ознакомься. Отвлекись от космических красоток.

Внизу страницы имелся список сотрудников группы «Немезида», допущенных к информации в полном ее объеме. Очень короткий список. Всего две фамилии.

Лось ознакомился. Долго молчал. Спросил ожидаемое:

– Думаешь, он?

Стрельцов ответил вопросом на вопрос:

– Ты заметил, что за пейзаж у него за правым ухом был? Из окна машины виднелся?

Лось отрицательно помотал головой – не обратил внимания, слишком ненадолго подошел к визору. Напарник пояснил:

– Характерный там пейзаж, запоминающийся... Местность резко понижается, причем к северу, судя по солнечному свету. Поля, железная дорога вдалеке, а у горизонта дома, город...

– Ну и что?

– Есть похожее местечко под Питером – если в город из Царского Села ехать, по склону Пулковской горы, точь-в-точь такой вид открывается. «Хеопс» – в нескольких километрах.

Лось хмыкнул с легким оттенком зависти. Среди прочих причин, заставивших начальство именно Стрельцова назначить главой группы «Немезида», наверняка есть и эта, – отличная память и цепкое внимание к мельчайшим деталям и деталькам увиденного. Одна беда: однажды углядел и запомнил то, что лучше бы проморгать или прочно забыть, – и загремел в Баренцбург, за белыми медведями приглядывать.

– Что будем делать? – спросил Лось.

– Сейчас проверим, откуда он отвечал нам на звонок. Если все подтвердится, пойду к Барсуку с докладом. Акция-то, – он постучал пальцем по сводке, – напрямую с нашим делом связана. Сдается мне, не бывает таких случайностей: и Кузякину застрелили, и «Хеопс» раздолбали, – и всё почти одновременно. Может, тут не конкуренты-телевизионщики замешаны, может, глубже копать надо...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.